

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ



Сергей ДМИТРИЕВ

Анатолий

ЛУНАЧАРСКИЙ

Дон Кихот революции

Страницы советской и российской
истории. Библиотека АФК «Система»

Сергей Дмитриев
Анатолий Луначарский.
Дон Кихот революции

«Историческая книга»

2024

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Дмитриев С. Н.

Анатолий Луначарский. Дон Кихот революции /
С. Н. Дмитриев — «Историческая книга», 2024 — (Страницы
советской и российской истории. Библиотека АФК «Система»)

ISBN 978-5-4484-4409-8

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – фигура в культурной истории «красного проекта», безусловно, ключевая. Возглавляя Наркомат просвещения, он руководил образованием всех уровней, ликвидацией неграмотности, наукой, театрами, литературой, музеями, изобразительным искусством, причем занимал этот пост почти 12 лет – дольше всех из числа первых наркомов. Долгие годы Луначарский служил для интеллигенции «громоотводом». Многие благодаря ему пережили ужасы Гражданской войны, «красный террор», репрессии и идеологические гонения. Его можно упрекнуть во многих просчетах, но одного не отнять: он свято верил в благодатную силу культуры в деле формирования «нового человека», оставался сыном своего трагического века. До недавнего времени жизнь и деятельность Луначарского рассматривались не в историко-документальном контексте, а через призму сформировавшихся ранее мифов и ошибочных представлений. Подлинное переосмысление и оценка этой драматической фигуры возможны только на основе привлечения неизвестных ранее документальных материалов, что и сделано в настоящей книге, воссоздающей широкую канву биографии наркома, показывающей неизвестные обстоятельства в его взаимоотношениях с видными большевиками, прежде всего, Лениным, Сталиным, Троцким, и многими мастерами искусства. В книге подробно рассказывается о разрыве Луначарского с Лениным и его увлечении богостроительством, о «немецком следе» в событиях 1917 г., о «спасении» наркомом и его сподвижниками культурного наследия, Большого и других театров, о его роли в сдерживании репрессий и «литературной» политике, о сопротивлении распродаже сокровищ Эрмитажа и протестах против сноса храмов и монастырей, о его дипломатической миссии и

роли в развитии науки. Надеемся, что книга повысит интерес к фигуре наркома, которого не случайно называли Дон Кихотом революции, с учетом приближающегося 150-летия со дня его рождения, которое будет отмечаться в ноябре 2025 г. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94

ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-4484-4409-8

© Дмитриев С. Н., 2024

© Историческая книга, 2024

Содержание

Предисловие. Страсти по Луначарскому	8
Биографическая хроника	17
Часть I. Долгий путь к призванию. 1875–1917	25
Детские и юношеские годы. 1875 – 1895	25
Европейские университеты. 1895 – 1898	34
Тюремно-скитальческая эпопея. 1898 – 1904	38
Вместе с Лениным. 1904 – 1905	51
В горниле первой революции. 1905 – 1907	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Сергей Дмитриев
Анатолий Луначарский.
Дон Кихот революции**

Научный консультант серии «Страницы советской и российской истории» *А. К. Сорокин*

© Дмитриев С. Н., 2024

© Фонд поддержки социальных исследований, 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

* * *



Предисловие. Страсти по Луначарскому

«Страсти по Луначарскому» – так можно было бы без всякого преувеличения охарактеризовать ту палитру оценок этого выдающегося деятеля советской эпохи и при его жизни, и после его смерти. С одной стороны, тогда звучали многочисленные хвалебные оценки наркома. Известный юрист, академик А. Ф. Кони считал его «лучшим из министров просвещения», поэт В. В. Маяковский утверждал: «Ни одна страна в мире не имеет такого министра народного просвещения», а будущий преемник Луначарского на посту наркома просвещения А. С. Бубнов называл его, в духе времени, «приводным ремнем от партии к художественной интеллигенции».

Долго работавшая с наркомом Н. К. Крупская прямо заявляла, что «нет другого человека в стране, который бы сделал больше для народного просвещения», чем Луначарский. По случаю смерти наркома одна английская газета вообще написала: «Нельзя отрицать, что он создал систему просвещения почти из хаоса и тем самым оказал огромное содействие упрочению большевистского государства».

С другой стороны, не было недостатка и в отрицательных характеристиках Луначарского. Пожалуй, самую негативную оценку его деятельности оставил писатель Леонид Андреев, высказавший ее всего лишь за три дня до своей смерти в Финляндии, 9 сентября 1919 г., в письме к известному «правдоискателю» того времени В. Л. Бурцеву. Непримирымый борец с Советской властью, приветствовавший даже интервенцию Антанты, в этом своеобразном политическом завещании Андреев предрекал: «Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монструм, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет? ... Он съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры... Светлый луч в темном царстве – так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий. (Вы знаете, что они и меня пробовали? – предлагали очень выгодно издать сочинения, утверждая, что «все там» и что мне нет смысла кобениться.)»¹.

Леонид Андреев упоминает в письме историю с приездом к нему З. И. Гржебина и А. Н. Тихонова, от имени А. М. Горького предлагавших ему купить его сочинения для издания за 2 млн рублей. Писатель от предложения отказался. А вот был ли последний «Дьяволом из свирепой своры», «трусом, чистюлей», «пошлым» хамелеоном с «лисьим хвостом» – все это можно прояснить, только изучив как можно больший массив документальных материалов, что и будет по возможности сделано в настоящей книге.

Немаловажно, что негативные характеристики Луначарского звучали не только из уст явных врагов Советской власти. Так, К. И. Чуковский, который подчеркивал его «невероятную работоспособность, всегдашнее благодушие, сверхъестественную доброту», которая делала «всякую насмешку над ним циничной и вульгарной», от насмешки все же не удержался: «Луначарский – благодушный ребенок, он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нибудь, сделать одолжение – для него ничего приятнее нет. Он мерещится себе как некое всесильное благостное существо, источающее на всех благодать. Страшно любит свою подпись»². Близкую к этой точке зрения выразил и искусствовед А. Н. Бенуа: «Первый нарком просвещения прямо-таки до виртуозности специализировался на том, чтобы представить то, что можно назвать «государственным меценатством»... Луначарский мастерски импонировал и у себя, и

¹ Общее дело. 1919. № 59. С. 59.

² Новый мир. 1990. № 7. С. 143, 145.

особенно за границей, создавая легенду о том, что большевики чутко относятся к искусству и делают для него все, что только можно».³

Подобные оценки были не единичными, некоторые современники считали Луначарского «коммунистическим культурным нэпманом, развращенным привилегиями, путешествиями за границу и хорошей жизнью», «провинциальным учителем и немного журналистом», «человеком мысли, а не дела».

³ Бенца А. Художественные письма. 1930–1936. М., 1997. С. 136.



Портрет А. В. Луначарского. Художник Николай Фешин. 1920.
[Государственный музей изобразительных искусств Татарстана]

Как видим, в отношении людей к наркому важную роль играли его личные качества и свойства характера. Очень интересную характеристику Луначарского оставил в его некрологе Л. Д. Троцкий, выделив основные и плюсы, и минусы наркома в глазах большевиков: «Было бы, однако, неправильным представлять себе Луначарского человеком упорной воли и сурового закала, борцом, не оглядывающимся по сторонам. Нет. Его стойкость была очень... эластична. Дилетантизм сидел не только в его интеллекте, но и в его характере... Ему не хватало духовной концентрации и внутренней цензуры, чтоб создать более устойчивые и бесспорные ценности. Таланта и знаний у него было для этого вполне достаточно. Но как ни отклонялся Луначарский в сторону, он возвращался каждый раз к своей основной мысли... Его разнообразные, иногда неожиданные импрессионистические скачки по политическому полю и качания имели ограниченную амплитуду: они никогда не выходили за черту революции и социализма»⁴.

Что же, Троцкий точно подметил многие характерные черты Луначарского, а равно его верность идеалам. Интерес к фигуре Луначарского объяснялся не только тем, что он занимал ответственный пост и входил в состав вождей большевиков. Его, выражаясь современным языком, харизма придавала ему черты духовного учителя. «Блаженным Анатолием» Луначарского назвал за его мистические искания еще Г. В. Плеханов, «апостолом терпимости» наркома называли многие из тех, кто помнил его дореволюционные попытки «богостроительства» или знал примеры смягчения им жестокостей революционной смуты. Что касается Дон Кихота, то этот образ сопровождал Луначарского всю жизнь: с этим именем его связывали соратники по партии за необычное и часто непримиримое поведение, за защиту им многих жертв репрессий. Сам же он сразу после Гражданской войны сочинил пьесу «Освобожденный Дон-Кихот», в которой отразил свои идеалы.

Луначарский – фигура в культурной истории «красного проекта», безусловно, ключевая. Возглавляя Наркомат просвещения, он руководил образованием всех уровней, наукой, театрами, литературой, музеями, изобразительным искусством. Причем занимал он этот пост почти 12 лет – дольше всех в советской истории, если не считать Е. А. Фурцевой, министра культуры с намного меньшим кругом обязанностей. Беспрецедентны масштаб и сложность стоявших перед наркомом задач. Под его руководством осуществлялась гигантская работа по ликвидации неграмотности, строительству школьного, среднего специального и высшего образования, организации библиотек и музеев, издательского и архивного дела. Особенно важна и интересна его заметная роль в решении проблем научного сообщества и в бушующем страстями мире искусств.

Долгие годы Луначарский служил для интеллигенции «громоотводом». Он участвовал в судьбе видных ее представителей, в том числе мировой величины. Многие благодаря ему пережили ужасы революции и Гражданской войны, «красный террор» и репрессии, гримасы НЭПа и ускоренного строительства социализма, бытовые лишения и идеологические гонения. Его можно упрекнуть во многих просчетах, но одного не отнять: нарком-романтик, Дон Кихот революции свято верил в благодатную силу культуры в деле формирования «нового человека». И несомненно, он был гуманистом почти в том же смысле, что и выдающиеся деятели эпохи Ренессанса. Его вообще можно назвать универсальной личностью возрожденческого типа, образцом просвещенного и образованного «коммунистического» человека – такого, о каком он мечтал.

В первое десятилетие Советской власти Луначарский являлся одной из «икон» социалистического строя, и лишь философские разногласия с Лениным в дореволюционный период оживляли его почти безупречный облик, делая его более рельефным. Ему посчастливилось в этот период во всю мощь проявить свои писательские и научные таланты, опубликовав тысячи статей, лекций, выступлений, пьес, стихов. Однако после смерти наступил почти тридцати-

⁴ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 368–370.

летний период забвения «пламенного наркома». Только в 1960–1970-х гг. началась публикация его основных трудов, в том числе в составе восьмитомного собрания сочинений, а также подготовка фундаментальных томов «Литературного наследия» (т. 80 и 82), посвященных наследию Луначарского.

Но даже этот «ренессанс» не привел к серьезному и всестороннему исследованию биографии, деятельности и творчества наркома. Книг, специально посвященных ему, тогда было выпущено совсем немного: *Елкин А.* Луначарский (1967, серия «ЖЗЛ») и *Трифонов Н. А. В.* Луначарский и советская литература (1974). В этих книгах нарком представал в образе почти идеального революционера-ленинца, при этом все острые углы его биографии были смягчены или вообще обойдены стороной.

Наступивший в конце 1980 – начале 1990-х гг. период резкой критики советской истории и разоблачения вождей большевиков принес «переосмысление» и облика Луначарского, преимущественно в публицистике, а не в сфере исторических исследований. Подобно другим советским руководителям Луначарского стали наделять чертами поистине «демоническими». Приемная дочь наркома И. А. Луначарская писала по этому поводу, что «надо иметь чувство юмора, сопоставляя упреки в адрес Анатолия Васильевича и слева и справа за последние 86 лет».

Если в 1960 – 1970-х гг., по справедливому замечанию Н. Анастасьева, Луначарского нередко «превращали едва ли не в святыню, разве что с мягкой укоризной (и непременно ссылкой на Ленина) говорили о грехах по части богостроительства», то теперь «вчерашнего кумира с грохотом свергают с пьедестала, и на месте крупнейшего деятеля культуры оказывается чуть ли не уголовник, во всяком случае, личность, вызывающая глубокую антипатию: он и погибающего Блока подтолкнул к могиле, и вообще чуть ли не все наследие отечественной культуры предал поруганию».

На этом фоне позитивным событием стало издание в России книги американского историка-слависта Т. Э. О'Коннора «Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры» (1992), которую сам автор назвал «введением в научную биографию» Луначарского. Несмотря на небольшой объем этой книги, ее автору удалось довольно взвешенно и объективно оценить общий вклад Луначарского в развитие советской культуры и прийти к выводу, что «объективное изучение его жизни еще впереди»⁵.

О'Коннор справедливо отмечал, что Луначарский был в курсе всех новейших тенденций в искусстве и литературе, что он открывал и поддерживал новые таланты, предпочитал «новое содержание в старых формах» и считал необходимым и важным сохранение преемственности в культурном развитии. При этом в другой своей работе О'Коннор отмечал такие черты наркома, как веселость, остроумие, мягкость, слабоволие и даже злоупотребление служебным положением.

Наиболее интересным и значительным явлением в изучении биографии Луначарского стали исследования историка В. В. Ефимова, который в начале 1990-х гг. выпустил в Душанбе несколько трудов, правда, малотиражных, которые тогда фактически не были замечены. Речь идет о пятитомном издании: *Летопись жизни и деятельности А. В. Луначарского (1917–1933 гг.)*. Авт. – сост. col1_5 1–3, Ч. 4–5. Душанбе (1992–1994), а также о его исследовании: *Ефимов В. В.* А. В. Луначарский и коммунистический тоталитаризм (Душанбе, 1993). Летопись ценна огромным фактическим и документальным материалом, привлеченным для ее создания, а исследование – попыткой, как писал автор, с помощью «современного прочтения жизни и творчества Луначарского... не осудить в очередной раз его ошибки, а, выяснив, вызванные обстоятельствами и условиями времени промахи и заблуждения наркома, понять природу, существо и социально-общественные корни, их породившие». И автору удалось в

⁵ О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. Пер. с англ. М., 1992.

целом довольно объективно, хотя и достаточно бегло показать «процесс внедрения большевистской модели в дело просвещения» и оценить фигуру наркома, «не идеализируя и не опошляя» ее. Однако автор не избежал, что следует даже из названия его книги, явного перебора в критике так называемого «коммунистического тоталитаризма», которому Луначарский пытался, хотя и частично, противостоять, и в осуждении Сталина и сталинизма с заведомо негативным отношением к советскому строю.

В 2010 г. писатель Ю. Борев выпустил еще одну книгу о Луначарском в серии «ЖЗЛ». Она открыла новые, до тех пор замалчиваемые детали его биографии, которые, кажется, подтверждали правоту Леонида Андреева. Однако никаких новых значимых документов автор для вскрытия загадок биографии Луначарского так и не привел, и его книга осталась в русле публицистического «разоблачения» смутного времени русской революции.



Портрет А. В. Луначарского работы скульптора и художника Николая Андреева. 1921. [РИА Новости]

Одну из последних попыток высветить фигуру Луначарского на фоне развития советской культуры предпринял недавно исследователь В. В. Огрызко в своей книге «Лицедейство, страх и некомпетентность. Советская модель управления культурой и искусством» (М., 2020). В этой книге, призванной выяснить, «как вообще в советское время была выстроена и функционировала модель руководства искусством», автор, привлекая огромное количество докумен-

тов, нарисовал преимущественно негативный портрет Луначарского, подтверждающий вынесенное в название книги нелюбимое определение основных черт культурной политики в Стране Советов. Автору удалось разыскать в архивах много важных и интересных документов, однако собранные вместе, как в объемной хрестоматии, они заслонили собой авторский анализ и остались часто без нужного комментирования.

К сожалению, автору не удалось, сконцентрировавшись на борьбе руководителей и группировок в культурной сфере, показать те реальные достижения, которые советская культура, несомненно, имела. Его оценки представляются явно однобокими: нарком «никогда не имел усидчивости и тем более системы. Он привык все решать наскоком»; «Сталин решил, что Луначарский со своей мягкотелостью и широтой завел школу и культуру не в ту степь...»⁶. Глубокого проникновения в разгадку облика Луначарского у автора не получилось прежде всего потому, что объектом его исследования была более широкая тематика.

В последние годы очень важную работу провели создатели и редакторы сайта <http://lunacharsky.newgod.su>, в котором собрано огромное количество документальных материалов по биографии наркома, в том числе значительная масса основных его произведений. Для любого исследователя этот сайт останется удобным и полезным подспорьем, главное, чтобы его материалы служили основой для написания новых трудов по биографии Луначарского.

До недавнего времени жизнь и многогранная деятельность наркома просвещения рассматривалась не в историко-документальном контексте, а через призму сформировавшихся ранее мифов и представлений, которым свойственны и «перехлесты», и упрощения, и заведомые искажения. Подлинное переосмысление значения деятельности Луначарского в истории отечественной культуры, оценка этой сложной, противоречивой и драматической фигуры возможно только на основе серьезных документальных исследований.

Так было всю его жизнь: ищущий и сомневающийся, убежденный и заблуждающийся, созидатель и не удовлетворенный достигнутым, Луначарский оставался сыном своего трагического века, эпохи глобальных утопий и терпящих крах экспериментов. Он был не столько политик, сколько интеллигент, втянутый в политику, он был интеллигент среди большевиков, большевик среди интеллигентов, фигура, безусловно, оставившая свой заметный след в истории нашей страны.

Чтобы избежать однобокого изображения нашего героя, необходимо решить ряд ключевых вопросов: какой жизненный путь прошел Луначарский, готовясь к своему призванию? Был ли он реальным двигателем культурного процесса или просто имитировал бурную деятельность, не будучи умелым организатором? Какие достижения в культурной сфере можно записать на его счет? Сделал ли он себе «имя» исключительно в литературной и театральной среде или же непосредственно решал и многие другие просветительские задачи в масштабах страны? Считал ли он своей миссией спасение, поддержку деятелей искусства или умело позёрствовал? Что конкретного он внес в становление и развитие различных видов искусства? Был ли он послушным проводником установок партии или умел отстаивать собственные принципиальные позиции? Какое место он занимал в борьбе партийных группировок 1920-х гг. и что послужило причиной его загадочной отставки в 1929 г.? Как сложились последние годы деятельности ушедшего на новые, в том числе дипломатические, посты наркома? Ответы на все эти вопросы дополняют мозаику культурной жизни Страны Советов в 1917–1933 гг., которая по своему накалу, насыщенности и результатам превосходит многие другие, куда более благодатные периоды российской истории.

⁶ Огрызко В. В. Лицедейство, страх и некомпетентность. Советская модель управления культурой и искусством. М., 2020. С 46, 252.

В последние годы опубликованы некоторые новые источники по истории культурного развития первых десятилетий Советской власти⁷. Однако до сих пор не изучены многие архивные фонды, касающиеся жизни, деятельности и творчества Луначарского (РГАСПИ, фонд 142, более 900 дел; РГАЛИ, ф. 279, более 1300 дел), а также Наркомата просвещения (ГАРФ, несколько тысяч дел в разных фондах). Широта и достоверность этих материалов, привлеченных даже частично, позволят по-новому взглянуть на фигуру первого наркома просвещения.

Настоящая книга, воссоздающая широкую, но далеко не всеобъемлющую канву биографии наркома просвещения, открывает основные вехи его жизненного пути, неизвестные даже специалистам, наиболее важные его документы и произведения, включая стихотворения и пьесы, показывает драматические эпизоды и неизвестные обстоятельства во взаимоотношениях Луначарского с видными деятелями большевистской партии: Лениным, Сталиным, Троцким, Каменевым, Зиновьевым, с мастерами искусства В. Короленко, И. Буниним, М. Горьким, А. Блоком, В. Брюсовым, К. Бальмонтом, С. Есениным, Ф. Шаляпиным, В. Мейерхольдом и другими. Если иметь в виду хронологию событий, то особенно важное значение для раскрытия темы книги имеет использование в ней материалов о разрыве Луначарского с Лениным и его увлечении богостроительством, о «немецком следе» в событиях 1917 г., о «спасении» Луначарским и его сподвижниками в революционные годы культурного наследия, Большого и других академических театров, о его участии в высылке интеллигенции и процессе над правыми эсерами, о его роли в антирелигиозной пропаганде и обновленчестве, о его «литературной» политике в период НЭПа, о его сопротивлении распродаже сокровищ Эрмитажа и других музеев страны, о его протестах против сноса храмов и монастырей, о его участии в латинизации русского языка, о его дипломатической миссии и роли в развитии науки в 1930-х гг.

Понятно, что портрет Луначарского, который удалось воссоздать в этой работе, не может быть полным и законченным. Надеемся, настоящий труд повысит интерес к фигуре Дон Кихота революции и послужит появлению новых книг и исследований, в том числе с учетом приближающегося 150-летия со дня рождения Луначарского, который будет отмечаться 23 ноября 2025 г.

⁷ См., к примеру, сборник документов: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. 872 с.; Культура и власть в СССР. 1920 – 1950-е годы. М., 2017. 740 с.

Биографическая хроника

1875 г., 11 (23) ноября

В Полтаве в семье чиновника В. Ф. Луначарского родился сын Анатолий, отцом которого являлся действительный статский советник А. И. Антонов.

Конец 1879 г. – начало 1880 г.

Переезд матери Анатолия с детьми в Нижний Новгород к А. И. Антонову, который умер в 1885 г.

1886–1895 гг.

Переезд семьи Луначарских в Киев и учеба Анатолия в Киевской первой гимназии.

1893 г.

Вступление в социал-демократическую группу и начало участия в революционном движении среди рабочих и ремесленников в киевском предместье Соломенка.

1895 г., июнь – начало 1896 г.

Учеба в Цюрихском университете. Установление в Цюрихе связей с членами первой марксистской группы «Освобождение труда» Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом.

1896 г., конец года

Краткая поездка Луначарского в Россию и возвращение в Европу.

1896–1898 гг.

Жизнь в Ницце, Реймсе, Париже, в Швейцарии, Бельгии и Германии из-за болезни старшего брата Платона. Встречи с видными представителями социал-демократии Р. Люксембург, П. Лафаргом, Ж. Гедом, Ж. Жоресом.

1898 г., сентябрь

Приезд из-за границы в Москву, учеба вольнослушателем в Московском университете и активное участие в подпольной работе Московского комитета РСДРП.

1899 г., 13 апреля

Первый арест по «Делу о преступной пропаганде среди рабочих в городе Москве».

1899 г., 24 мая

Второй арест по «московскому делу».

1899 г., конец мая

Заключение в одиночную камеру Таганской тюрьмы, где Луначарский находился до 8 октября 1899 г. После освобождения жил краткое время в Полтавской губернии и в Киеве.

1900 г., январь

Отправлен на жительство под надзор полиции в Калугу, где вел активную общественную деятельность и сблизился с Д. Д. Гончаровым, владельцем Полотняного Завода.

1900 г., весна.

Краткое содержание в арестантском доме в Москве за нелегальную поездку в столицу.

1900 г., апрель

Приезд в Киев для свидания с матерью.

1900 г., 29 апреля

Арест на студенческом вечере в Киеве по подозрению в революционной пропаганде среди рабочих накануне Первомая.

1900 г., 29 апреля – середина июня

Пребывание в киевской Лукьяновской тюрьме.

1900 г., 30 июня – 26 января 1902 г.

Жизнь в Калуге под надзором полиции в ожидании решения по «московскому делу».

1902 г., февраль

Переезд в Вологду до марта 1903 г. по приглашению А. А. Богданова. Решение царских властей о высылке Луначарского под надзор полиции в Вологодскую область на два года.

1902 г.

Начало постоянной публицистической деятельности Луначарского. Сотрудничество в журналах и газетах «Северный край», «Образование», «Вопросы философии и психологии», «Русская мысль».

1902 г., 1 сентября

Вступление в брак с А. А. Малиновской, сестрой А. А. Богданова.

1902 г., конец – начало 1903 г.

Кратковременное пребывание Луначарского в Вологодской губернской и Кадниковской тюрьмах, где он серьезно заболел.

1903 г., 31 марта – 1904 г., 15 мая

Пребывание в ссылке в городе Тотьма Вологодской области. Потеря супругами первого ребенка.

1904 г., май

Переезд по окончании срока ссылки в Киев, где Луначарский ведет активную политическую и публицистическую работу.

1904 г., октябрь

Отъезд по вызову В. И. Ленина за границу для работы в редакции центрального органа партии газете «Вперед». Прибытие в Париж 12 октября 1904 г.

1904 г., 4 декабря

Первая встреча Луначарского с Лениным, который приехал в Париж специально для этого.

1904 г., декабрь – 1905 г., октябрь

Приезд в Женеву и участие под руководством Ленина в работе редакций центральных органов партии газет «Вперед» и «Пролетарий». Выступления против меньшевиков в Женеве и большевистская пропаганда во Франции, Бельгии и Германии.

1905 г., 12–27 апреля

Участие в работе III съезда РСДРП в Лондоне. По поручению Ленина Луначарский выступает на съезде с докладом о вооруженном восстании, входит в состав новой редакции Центрального органа партии.

1905 г., лето

Отъезд в Италию из-за болезни (Виареджо, Флоренция). Выходят брошюры автора «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», «Как петербургские рабочие к царю ходили».

1905 г., конец ноября

Приезд в Петербург. Начало работы в редакции первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». После ее закрытия – работа в газетах «Волна», «Вперед», «Эхо», журнале «Вестник жизни». Первая встреча с А. М. Горьким.

1905 г., 31 декабря

Арест за участие в революционной деятельности.

1906 г., январь – февраль

Заключение в петербургской тюрьме «Кресты» (24 дня), где Луначарский написал первую опубликованную пьесу «Королевский брадобрей».

1906 г., 10–25 апреля

Участие в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме. Выступление с докладом в защиту ленинской аграрной программы.

1906 г.

Издание брошюры «Очерк развития Интернационала» и сборника «Отклики жизни», выпуск под редакцией Луначарского политической литературы, за что он подвергается судебному преследованию.

1907 г., февраль

Вынужденная эмиграция из России в Италию, которая продлится по май 1917 г. и во время которой Луначарский подготовит более 400 публикаций.

1907 г., август

Участие вместе с Лениным в работе Международного социалистического конгресса II Интернационала в Штутгарте.

1907 г.

Начало работы над книгой «Религия и социализм», в которой автор развивал свои идеи «богостроительства».

1907 г., 9 декабря

В семье Луначарских родился сын Анатолий.

1908 г., январь

Переезд из Флоренции на Капри по приглашению А. М. Горького.

1908 г., апрель

Встреча с Лениным на Капри. Постепенный разрыв отношений Луначарского и его сторонников с Лениным. Знакомство с Ф. И. Шаляпиным.

1908 г.

В Петербурге в издательстве «Шиповник» вышла первая часть книги «Религия и социализм».

1908 г., 24 июня

Умер сын Луначарского Анатолий. После этого супруги уезжают с Капри и живут в Неаполе и других городах Италии.

1909 г., март

Возвращение Луначарского на Капри, участие его в организации Каприйской школы.

1909 г., июль – декабрь

Преподает в Каприйской школе.

1909 г., декабрь

Стал членом и одним из руководителей группы «Вперед».

1910 г., 28 августа – 3 сентября

Участие в работе Международного социалистического конгресса в Копенгагене, встреча там с Лениным.

1910 г., ноябрь – 1911 г., январь

Чтение лекций в Болонской школе.

1911 г., март.

Переезд в Париж. Выход второй части книги «Религия и социализм». Работа постоянным корреспондентом газет «Киевская мысль», «День» и «Вестника театра».

1911 г., май – август.

Проживание Луначарского в Лонжюмо и преподавание там в партийной школе.

1911 г., 19 августа.

Родился сын Луначарского Анатолий (1911–1943).

1912 г. – 1913 гг.

Организация в Париже кружка русских рабочих. Издание книги «Идеи в масках» с пьесами и рассказами автора. Постоянные разъезды Луначарского по Европе для выступлений с лекциями и революционной работы.

1914 г., февраль

Кратковременное пребывание Луначарского в Берлинской тюрьме с последующей высылкой из Германии. Дальнейшее проживание его семьи в Сен-Бревене и Париже.

1915 г., начало года

Переезд в Швейцарию (Сен-Лежье), начало примирения с Лениным. Первая встреча с Р. Ролланом. Активные занятия поэзией, драматургией, наукой, изучением вопросов народного образования.

1917, март

Поддержка Луначарским ленинского плана проезда революционеров в Россию через Германию.

1917 г., 9 (22) мая

Возвращение из эмиграции в Россию в составе второй группы политических эмигрантов с оставлением семьи в Швейцарии. Начало активной революционной работы против Временного правительства.

1917 г., 3 (16) июня – начало июля.

Участие в работе I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

1917 г., 4 (17) июля

Выступление вместе с Лениным с балкона дворца Кшесинской перед демонстрантами во время «июльских событий».

1917 г., 22 июля

Арест Временным правительством по обвинению в государственной измене.

1917 г., 22 июля (4 августа) – 8 (21) августа

Находится в тюрьме «Кресты».

1917 г., июль

Объединение на VI съезде РСДРП(б) «межрайонцев», в состав которых входил Луначарский, с большевиками.

1917 г., 20 августа

Решением ЦК партии назначен заведующим литературным отделом газеты «Пролетарий» и введен в состав редакции журнала «Просвещение».

1917 г., 20 августа

Избран товарищем петроградского городского головы по вопросам культуры.

1917 г., 16–19 октября

По инициативе Луначарского в Петрограде созвана Первая конференция пролетарских культурно-просветительных обществ, положившая начало Пролеткульту.

1917 г., предоктябрьские дни

Взаимодействие Луначарского с Петроградским военно-революционным комитетом по вопросам охраны культурного наследия.

1917 г., 25–26 октября (7–8 ноября)

Участие в работе II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

1917 г., 26 октября (8 ноября)

Огласил на съезде написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» о свержении Временного правительства и переходе всей власти к Советам.

1917 г., 27 октября (9 ноября)

II съезд Советов сформировал рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Луначарский был назначен народным комиссаром просвещения.

1917, 2 (15) ноября

Луначарский подает заявление об отставке с поста наркома просвещения, но на следующий день забирает его обратно.

1917 г., конец – 1919 г., начало мая

Почти постоянно находится и работает в Петрограде. Помимо обязанностей наркома просвещения выполняет обязанности заместителя председателя Совета Комиссаров Союза коммун Северной области.

1917 г., декабрь – 1918 г., начало

Активное участие в формировании аппарата Наркомпроса, в работе по перестройке школы и охране художественных и исторических ценностей.

1918 г., 26 августа

Речь на I Всероссийском съезде по просвещению с изложением основных задач развития новой школы.

1918–1921 гг.

Возглавляет Государственную комиссию по просвещению, работу по созданию новых музеев, проведению театральной политики и плана монументальной пропаганды, изданию книг, борьбе с безграмотностью, сотрудничеству с Академией наук. Постоянно оказывает помощь деятелям искусства, ученым, учителям, заступаясь за представителей интеллигенции, оказавшихся «под прицелом» ВЧК, в том числе И. Бунина, С. Есенина, А. Блока, А. Ремизова, Н. Гумилева, В. Вернадского и т. д.

1919–1922 гг.

Написаны пьесы «Иван в раю», «Оливер Кромвель», «Фома Кампанелла», «Канцлер и слесарь», «Освобожденный Дон Кихот», «Медвежья свадьба», многие стихотворения. Пьесы широко ставились в театрах различных городов России и за рубежом.

1919 г., 18–23 марта

Участие в работе VIII съезда РКП(б), в том числе в качестве председателя аграрной секции.

1919 г., 3 мая

Переезд Луначарского в Москву и проживание с семьей в Кремле.

1919 г., 6 мая

Речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию о задачах такого образования в Советской России.

1919 г., май – июль

Поездки по заданию ЦК партии в Костромскую и Ярославскую области, где Луначарский проводил партийную, организационную и пропагандистскую работу.

1919 г., октябрь

Поездка по поручению Ленина в Смоленск и Тулу для организации Тульского укрепленного района.

1919 г., октябрь – ноябрь

Поездка по заданию ЦК партии на Южный фронт, в 12-ю армию. Встречи там со Сталиным.

1920 г., 29 марта – 5 апреля

Участие в работе IX съезда РКП(б).

1920 г., май – июнь

Поездка по решению ЦК партии и Советского правительства на Украину (Харьков, Полтава, Кременчуг, Николаев, Херсон, Одесса), встреча с писателем В. Г. Короленко в Полтаве, итогом которой стало написание им «Писем к Луначарскому».

1920 г., август – сентябрь

По решению Совнаркома направляется в Донскую и Кубанскую области, где ведет политическую и организационную работу.

1920 г., 26 сентября

Доклад на III сессии ВЦИК 7-го созыва с отчетом народного комиссара просвещения перед высшим органом власти.

1920 г., октябрь

Поездка на Украину с агитационным поездом ЦИК «Октябрьская революция»

1921 г., январь – февраль

Поездка в Рязань, Тамбов, Саратов и участие в «профсоюзной дискуссии».

1921 г., 8 – 16 марта

Участие в работе и выступления на X съезде РКП(б)

1921 г., 7 сентября

Несостоявшаяся отставка Луначарского, связанная с «кризисом в Наркомпросе» и конфликтом наркома с его заместителем Е. А. Литкенсом.

1921 г., октябрь – ноябрь

Поездка по решению ЦК партии и ВЦИК в Поволжье, участие в организации борьбы с голодом.

1921 г., конец года – начало 1922 г.

Уход Луначарского из семьи к Н. А. Розенель, которая приехала из Киева в Москву и работала в театрах начинающей актрисой. Удочерение дочери Н. А. Розенель Ирины.

1922 г., февраль

«Спасение» Луначарским Большого театра с отменой постановления Политбюро о его закрытии.

1922 г., 27 марта – 2 апреля

Участие в работе XI съезда РКП(б).

1922 г., 8 июня – 7 августа

Выступление в качестве государственного обвинителя на судебном процессе правых эсеров.

1922 г., ноябрь – декабрь.

Доклад на IV Всероссийском съезде работников просвещения и X Всероссийском съезде Советов.

1923 г., 17–25 апреля

Участие в работе XII съезда РКП(б).

1923 г., май – июнь

Поездка на Урал и в Сибирь с посещением 11 городов.

1924 г., 24 января

Доклад на XI Всероссийском съезде Советов о ликвидации неграмотности.

1924 г., апрель

Переезд Луначарского с семьей на квартиру в Денежном переулке, где постепенно сформировалось подобие культурного салона.

1924 г., 23–31 мая

Участие в работе XIII съезда РКП(б).

1925 г., январь

Доклады на Всесоюзном совещании пролетарских писателей и I Всесоюзном съезде учителей о задачах просвещения.

1925 г., 9 марта

Оформление развода с бывшей женой Анной Александровной и составление завещания Луначарским.

1925 г.

Работа в составе комиссии, созданной по решению ЦК РКП(б), по подготовке резолюции ЦК «О политике партии в области художественной литературы».

1925 г., сентябрь

Участие в торжественном заседании, посвященном 200-летию Академии наук.

1925 г., 18–21 декабря

Участие в работе XIV съезда ВКП(б).

1925 г., конец – 1926 г., январь

Первая поездка Луначарского за границу в Берлин, Париж и Ригу с весны 1917 г. Во время поездки в Берлине происходило празднование 50-летия со дня рождения Луначарского.

1926 г., июнь – август

Поездка в Ленинград, Кронштадт и Ленинградскую область для обследования музеев, дворцов, картинных галерей. Посещение Пскова, Новгорода и пушкинских мест.

1926 г., август – сентябрь

Поездка для отдыха в Грузию, Азербайджан и Владикавказ.

1927 г., май – июль

Поездка Луначарского в Берлин, Париж и Варшаву.

1927 г., октябрь – декабрь

Поездка в Варшаву, Париж, Берлин. Участие в работе Подготовительной комиссии по разоружению в Женеве в качестве члена советской делегации.

1927 г., 2 – 19 декабря

Делегат XV съезда ВКП(б).

1928–1929 гг.

Луначарский получает несколько выговоров по партийной линии за свои «ошибки и просчеты». Его выступления против некоторых партийных решений, например о распродаже Эрмитажа и сносе монастырей в Кремле, вызывают растущее недовольство у руководителей партии.

1928 г., сентябрь

Участие в торжественных мероприятиях по празднованию 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, в том числе в Ясной Поляне.

1928 г., 26 ноября

Доклад на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

1929 г., май – июнь

Доклады на XIV Всероссийском съезде Советов «О текущих задачах культурного строительства», VII Всесоюзном съезде работников искусств, I Всероссийском съезде крестьянских писателей, II съезде Союза воинствующих безбожников СССР.

1929., середина июля

Решение вопроса об отставке Луначарского в руководстве партии и правительства.

1929 г., 12 сентября

Президиум ЦИК СССР снимает Луначарского с поста наркома и назначает его председателем Ученого комитета ЦИК СССР. Луначарский на несколько лет становится во главе научной жизни страны, курирует Академию наук СССР, продолжает много и плодотворно писать в разных жанрах, ведет издательские дела, преподает в МГУ и Комакадемии.

1930 г., 1 февраля

Избрание Луначарского действительным членом Академии наук СССР.

1930., июнь

Назначен директором Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Комакадемии.

1930 г., май – 1932 г., май

Исполнял обязанности главного редактора издательства «Academia».

1930 г., июль – декабрь

Во время длительной поездки по странам Европы участвует в Оксфордском философском съезде и Женевской конференции по разоружению.

1930 г., 2 октября

Избрание Луначарского директором Института русской литературы (Пушкинский Дом).

1931 г., 1 февраля

Речь на общем собрании Академии наук СССР.

1931 г., 5 марта

На заключительном заседании XV Всероссийского съезда Советов был обвинен в связях с Троцким и впервые за 14 лет не был переизбран в состав членов ВЦИК.

1931 г., август – декабрь

Поездка в 7 стран Европы, в том числе в Грецию, Турцию и Скандинавские страны.

1932 г., январь – март, апрель – июль

Участие в заседаниях Женевской конференции по разоружению.

1932 г., июль – 1933 г., январь

Длительная заграничная поездка. Участие в работе Международной конференции историков в Гааге. С осени находился на лечении в Германии, где ему 15 ноября была сделана операция по удалению правого глаза.

1933 г., 12 февраля

Доклад на 2-м пленуме оргкомитета Союза советских писателей «Социалистический реализм».

1933 г., 11 июля.

Выезд за границу, лечение в клинике в Париже и Эвиане до 28 ноября.

1933 г., 11 августа

Решением Политбюро назначен чрезвычайным и полномочным послом СССР в Испании.

1933 г., 26 декабря

Скончался в 17.30 во французском городе Ментоне, где находился на лечении.

1934 г., 1 января

Гроб с телом Луначарского прибыл на Белорусско-Балтийский вокзал и был выставлен для посетителей в Колонном зале Дома союзов.

1934, 2 января

Прах Луначарского захоронен в Кремлевской стене в 15.00.

Часть I. Долгий путь к призванию. 1875–1917

Детские и юношеские годы. 1875 – 1895

Детство, его особенности и условия всегда так или иначе определяют жизненный путь человека, и это в полной мере относится к Анатолию Луначарскому, тем более что в его детстве скрывалась тайна, которую он вынужден был долгое время не придавать гласности. А состояла она в том, что он и свою фамилию, и свое отчество, и даже свое звание дворянина получил не от отца, а от отчима, с которым и жить-то ему рядом практически не пришлось.

Мать будущего наркома Александра Яковлевна (1842–1914), в девичестве Ростовцева, жила и воспитывалась в «богато образованной» семье статского советника Якова Павловича Ростовцева (1791–1871), который с учебы в Харьковском университете приобщился к поистине поражающему объему знаний – от словесности до высшей математики, всю жизнь проявлял себя на ниве народного просвещения. Не от него ли унаследовал энциклопедизм и пристрастие к образованию его внук? Яков Павлович служил директором Черниговской гимназии и училищ Черниговской губернии, был пожалован в 1846 г. потомственным дворянством и принадлежал к образованнейшим людям своего времени. Александра была седьмым (из восьми детей) ребенком в семье Ростовцевых, которые все были, по оценке Луначарского, «люди правые», и старалась не отставать от отца в жажде знаний, а ее братья стали видными деятелями культуры и государства: Павел – витебским губернатором, Иван – действительным статским советником, работавшим в области народного просвещения, переводчиком книг по древнеримской истории, а Михаил – крупнейшим историком Античности и археологом, видным кадетом, эмигрировавшим в США. Любопытно, что эту ветвь своей родословной, которой можно было смело гордиться, революционер Луначарский не очень жаловал в силу ее консерватизма и служения империи.

В 19 лет Александра Ростовцева вышла замуж за 35-летнего Василия Федоровича Луначарского, юриста, стряпчего по уголовным делам, надворного советника, который был незаконнорожденным внебрачным сыном полтавского помещика польского происхождения Федора Чарнолуцкого и крепостной, позднее вольноотпущенной, крестьянки. В таких случаях детям, не имевшим прав на титул и наследство отца, давали измененную фамилию, которая была образована перестановкой частей: «Чарнолуцкий – Луначарский» (причем изначально написание было Луночарский). Так и родилась оригинальная, поэтическая по звучанию фамилия, в которой слышится и Луна, и чары и которой суждено будет войти в историю. И хотя Василий Луначарский в 1899 г. добился все-таки дворянства на государственной службе, «изъяны» своего происхождения он чувствовал всю жизнь.

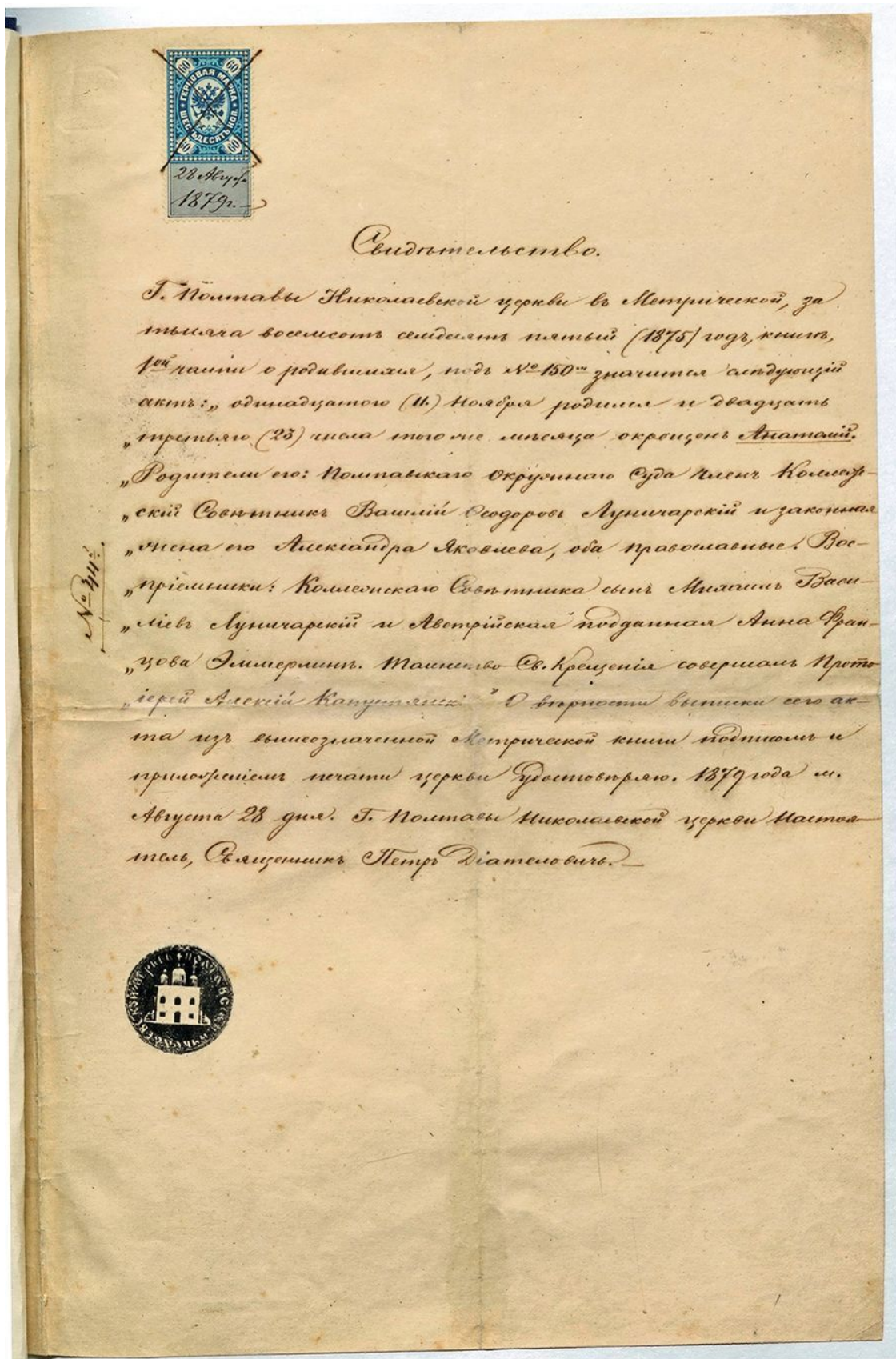
У четы Луначарских в 1862, 1865 и 1869 гг. родились трое сыновей: Михаил, Платон и Яков, однако семейного счастья это им не принесло. Мать, взбалмошная и своевольная, с мужем регулярно ссорилась, притом что Василий Федорович был человек мягкий и доброжелательный. И тут, как назло, в 1868 г. в Чернигов, где жили Луначарские, был назначен новый управляющий контрольной палатой, статский советник Александр Иванович Антонов (1829–1885), мужчина импозантной внешности, с которым у Александры через некоторое время вспыхнул роман. Чтобы реконструировать дальнейшие события, имеется очень мало данных, но несомненно, что у Александры тогда к Александру Ивановичу самые серьезные чувства, и несмотря на разлуку, связанную с отъездом Антонова на службу в другие места, а семьи Луначарских в Полтаву, их любовные отношения все-таки продолжались.

В 1874–1875 гг. (по другим данным, осенью 1879 г.) Александра решила разъехаться с мужем, забрав детей. Супруги, однако, так и не развелись, и появившийся на свет в Полтаве в доме по Николаевскому, ныне Первомайскому, переулку 11 (23) ноября 1875 г. Анатолий, «разительно» похожий на Александра Ивановича Антонова, был юридически признан Василием Федоровичем сыном. Вероятно, отчим мальчика пытался замять скандал, чтобы избежать пересудов. Анатолий, как и его отец, по существу, тоже оказался незаконнорожденным, но это тогда всеми замалчивалось, и сам он отнюдь не спешил придавать гласности такой нелестный факт своей биографии. Отчим не отказался тогда от помощи своей жене и детям, помогал он им и позднее, после полного разрыва отношений с женой.



Полтава. Городская библиотека и музей. Открытка. Нач. XX в.
[Из открытых источников]

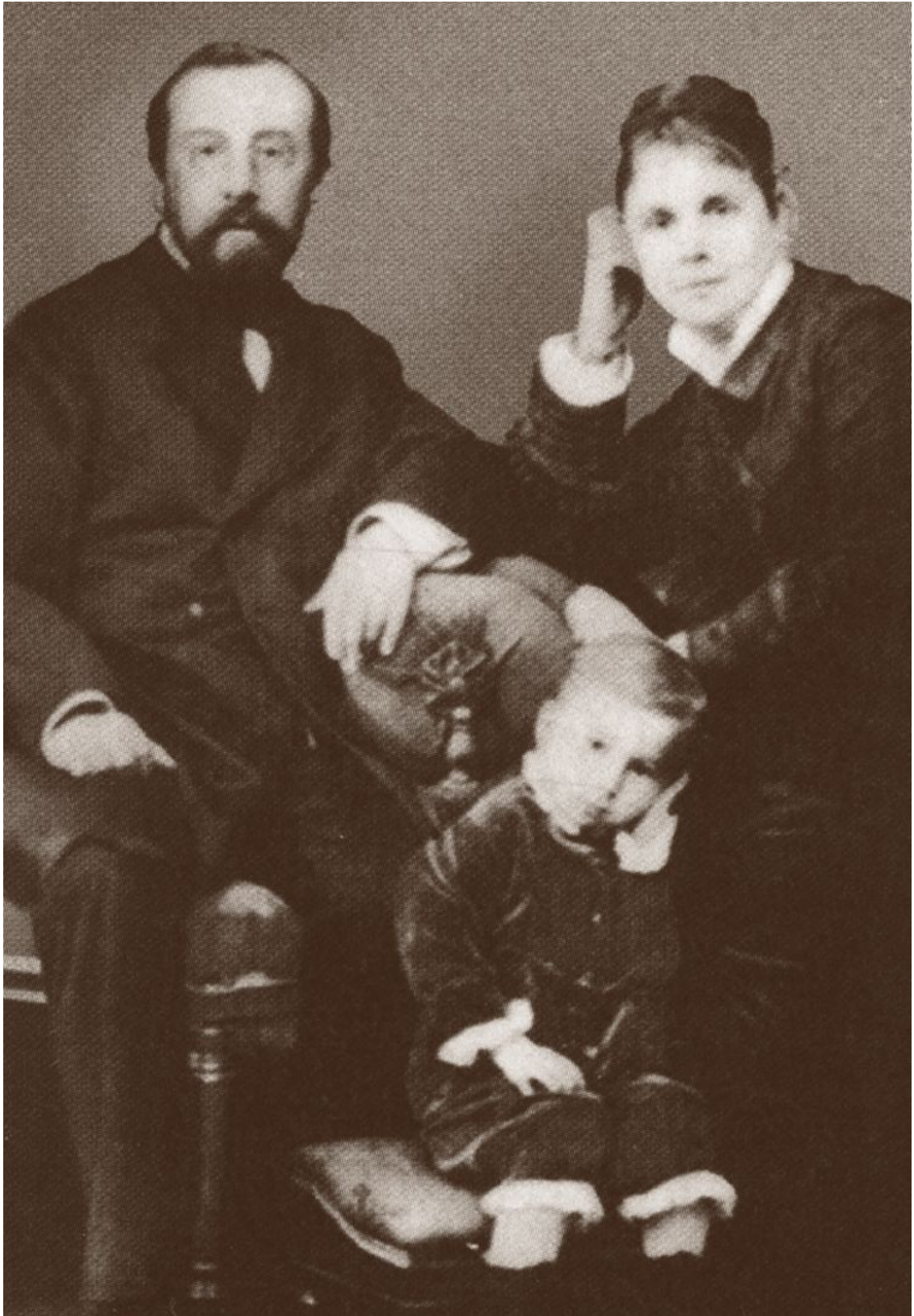
Большинство приведенных выше данных о родословной будущего наркома просвещения взяты из статьи его приемной дочери И. А. Луначарской «К научной биографии А. В. Луначарского». «Александре Яковлевне 33 года, – продолжала автор данной статьи рассказ о дальнейших событиях в жизни семьи Луначарских. – Она зрелый человек и борется с поразительной отвагой за свое счастье, отлично понимая последствия этой борьбы, игнорирует сплетни и пересуды. Через три года после Анатолия родился Николай, тоже сын Антонова и тоже при крещении записанный отчеством и фамилией Луначарского. Она так и не была разведена с Василием Федоровичем, а брак с Александром Ивановичем – не узаконен. Однако это не мешало Александре Яковлевне стать «счастливой женщиной», как вспоминает Анатолий Васильевич. В конце 1879-го или начале 1880 года А. И. Антонова переводят в Нижний Новгород, также управляющим контрольной палатой, и Александра Яковлевна с детьми переезжает к нему и живет в его доме».



Свидетельство о рождении в Полтаве 11 (23) ноября 1875 г. Анатолия Луначарского. [РГАСПИ]

О том, что Антонов – его родной отец, Луначарский впервые написал в 1926 г. в автобиографии для Института Ленина. Выдержки из нее были впервые опубликованы только в 1965 г. В ней Луначарский писал, что он в 1879 г. переехал из Полтавы «в Н. Новгород, где жил и воспитывался под руководством моего родного отца (я ношу фамилию мужа моей матери) А. И. Антонова, управляющего контрольной палатой. Это был человек радикальных настроений, несмотря на крупный пост, который он занимал. От него я получил первый толчок к атеизму и революционно-демократическому воззрению на окружающее. А. И. Антонов умер, когда мне было около девяти лет, и после короткого пребывания в Москве, где последовала его смерть, семья моя переехала в Киев».

В Киеве на деньги, оставленные Александром Ивановичем, был приобретен двухэтажный каменный дом на улице Трехсвятительской, 16 (ныне Десятинная улица, 11), который, оделив также всех сыновей незначительной суммой «денежных бумаг» от наследства Антонова, Александра Яковлевна завещала двум его сыновьям – Анатолию и Николаю. Позднее Луначарский писал, что в Киеве он «мог бы при существовавшей тогда дороговизне совсем помереть с голоду, но к этому времени я получил небольшое наследство и при поддержке моих друзей я перемогался». Сумма наследства составила тогда семь тысяч в бумагах «Петербургского акционерного общества», и эту «долю» сводный брат Анатолия Яков перевел ему позже в Швейцарию на учебу, жалуясь в письме по поводу низкого курса рубля во франках.



Анатолий Луначарский с родителями – А. И. Антоновым и А. Я. Луначарской. Нижний Новгород, 1879–1880.

[Из открытых источников]

Вообще Луначарский всегда очень интересовался своей родословной и вспоминал, что его дед «был великоросс – Ростовцев по фамилии, значит, по роду ярославец... Братья матери

все были люди культурные, но правые: один был губернатором, другой попечителем округа, почти уже сановники. Дед по отцу был бедный лесничий, а отец его крестьянин, по-видимому, литовец. У моего отца и у меня – литовский профиль. К этому надо добавить, что обе мои бабушки были польки».

Как видим, Луначарский признавался, что в нем «течет» и польская кровь, и, может быть, даже литовская, но еврейской крови в нем не было точно, хотя после революции имел хождение и еще до сих пор нет-нет да и реанимируется миф о еврейском происхождении наркома просвещения. В опубликованных «Правдой» в октябре 1919 г. «Ответах на записки...» Луначарский прямо сообщал о имевших место на его встречах со слушателями подобных заявлениях: «В записках проскальзывает и такая идея, что вот-де я еврей и поэтому хитро хую чужую веру и обхожу свою. Да будет же известно писавшим эти записки, что не только я сам, но и мои отцы и деды – русские и православные, т. е. я был крещен, как православный, а теперь, конечно, не православный, не еврей, а коммунист»⁸.

До смерти своего отца 2 сентября 1885 г. в Москве Луначарскому выпало всего лишь около 6 лет (примерно с 4- до почти 10-летнего возраста) прожить в семье с обоими своими родителями, и это был самый благополучный период его детства. Как вспоминал Анатолий, «мои ранние годы были счастливыми годами. Отец и мать были людьми живыми и смелыми. Оба могли быть хорошими актерами, и совсем крошечным мальчиком я сживал, свернувшись клубком в кресле, до позднего часа ночи, слушая, как отец читает моей матери Щедрина, Диккенса, «Отечественные записки» и «Русскую мысль». Но счастье продолжалось не долгие годы. Отец в результате неудачной операции умер, и мать, тяжело переживавшая эту потерю, из счастливой, остроумной, радостной женщины становилась все более и более угрюмой, замкнутой и истеричной. Прирожденная властность характера приобретала характер деспотичности».

«Странная» жизнь матери, не уживавшейся с окружающими, не могла не оказывать влияния на Анатолия, как и других его братьев, которые позднее отделились от матери, приезжая к ней только по необходимости. Только младший брат Николай постоянно находился при ней: мать даже забрала его из гимназии. Луначарский очень откровенно описывал в воспоминаниях и письмах свои многочисленные и во многом полярные черты характера, сформировавшиеся в детстве и сказавшиеся потом на его судьбе и поведении в самых различных ситуациях: «мягкость характера», «развитая фантазия», «вспыльчивость», «неженка», слабая «физическая подготовка», «легкий и ясный ум», «пластичный характер», «добродушие и благородство», «эпикуреизм и идеализм».

Все эти характеристики, которые очень многое объясняют в поведении и поступках Луначарского, вместе с тем показывают, как хорошо он знал и понимал самого себя, откровенно признавая все свои слабые и сильные черты. Удивительно, что многие эти черты были списаны как бы с... Дон Кихота: «умственная торопливость», «недостаточность жизненных тормозов», «цикличность настроения», «ласковость к людям», «живая любознательность», «умение быстро оправляться от ударов». Так через века соединились два героя: один литературный, а другой реальный, да еще и помещенный в эпоху бурных перемен и революций.

Конечно, Луначарский в своих воспоминаниях явно преувеличивал свой «оппозиционный настрой» к власти, проявившийся якобы с самого детства. «В 7–8 лет, разумеется под влиянием старших, с гордостью называл себя «либералом», ненавидел Каткова и с благоговением произносил слово «революция», «мальчиком выступал, как яростный противник религии и монархии», – писал он о себе, и такой настрой не находил тогда особого протеста у его родителей. Здесь мы подходим к вопросу, как становились в ту пору революционерами многочисленные представители интеллигенции, будь то дворяне или разночинцы, которые, попадая

⁸ Правда. 1919. 20 октября; Летопись жизни и деятельности А. В. Луначарского (1917–1933 гг.) / Авт. – сост. В. В. Ефимов. Ч. 2. С. 369.

в оппозиционную, либерально или народнически настроенную среду, делали вскоре шаги к социал-демократии или социалистам-революционерам. Пример Луначарского показывает, что именно подобная среда – в семье, в гимназии – в том или ином городе постепенно вовлекала молодых людей в революционный круговорот.

Из-за семейных неурядиц и переездов Луначарский поступил на учебу в Первую киевскую гимназию на год позже своих сверстников, только в 1886 г., и к тому же, как он писал, в гимназии «один раз остался на 2-й год». В итоге «потерянными» оказались два года, что объясняет удивлявшее многих окончание им гимназии почти что в 20-летнем возрасте. Удивление может вызвать и то, что энциклопедически образованный, знавший много языков Луначарский, по его собственному признанию, «школу презирал», «учился плохо, на тройку, очень рано проникся ненавистью к сухому преподаванию почти ненужных предметов. Читал все время массу, не только на русском, но и на французском, и на немецком языках».

Вот и разгадка начитанности и энциклопедичности Анатолия – это его самообразование, которое он активно, порой даже до чрезмерности, продолжал и в годы учебы, и в долгие годы эмиграции, и находясь на посту наркома. «Капитал» Луначарский штудировал в 4-м классе гимназии, а уже в 5-м классе он влился в зарождавшееся в среде киевского студенчества социал-демократическое движение, попав в его «центральный кружок», где были уже попытки пропаганды «не только среди учащихся, но и среди рабочих и ремесленников» (интересно, что в этом кружке активно участвовал учившийся в той же гимназии товарищ Анатолия будущий философ Н. А. Бердяев).

«Очень скоро у нас окрепла организация, охватившая все гимназии, реальные училища и часть женских учебных заведений. Я не могу точно припомнить, сколько у нас было членов, но их было во всяком случае не менее 200». «К 1891 году я был уже «марксистом», – писал Луначарский, но начало своей революционной деятельности он относил все-таки к 1893 г., когда вступил в партийную организацию, работавшую среди ремесленников и пролетариев железнодорожного депо в предместье Киева Соломенке. Там гимназист сразу закрепил за собой роль «бойкого агитатора-пропагандиста» и, главное, начал в гектографической социал-демократической газете свое «писательское творчество», которое продолжалось потом всю жизнь. Уже в 1894 г. Луначарский попадает в списки неблагонадежных, а в январе 1895 г. за ним устанавливается полицейский надзор.

Яркий агитатор и талантливый публицист – эти две ипостаси революционера Луначарского формировались именно в гимназические годы. Тогда же он открыл в себе и еще одну страсть, ставшую его визитной карточкой, – углубленные занятия философией, которые выдвинули его в итоге в первые ряды философов-революционеров. Как признавался Анатолий, «в последних классах гимназии я сильно увлекался Спенсером и пытался создать эмульсию из Спенсера и Маркса».



Анатолий Луначарский в студенческие годы. Киевская гимназия.
[РИА Новости]

Вскоре Луначарский увлекся модным цюрихским профессором Рихардом Авенариусом, чья «Критика чистого опыта» вышла в Германии в 1888–1890 гг., и его эмпириокритицизмом. В голове выстроился четкий «план победить во что бы то ни стало сопротивление семьи и, устранившись от продолжения моего образования в русском университете, уехать в Цюрих, чтобы стать учеником Аксельрода (П. Б. Аксельрод – один из основателей группы «Освобождение труда», впоследствии меньшевик. – С. Д.), с одной стороны (к нему я имел хорошие рекомендательные письма), Авенариуса – с другой. Кстати, ввиду моей довольно явной политической неблагонадежности, педагогический совет Киевской первой гимназии, выдавая мне аттестат зрелости (далеко не блестящий вообще), поставил там «4» по поведению, что ставило большие затруднения при поступлении в русский университет. Эти затруднения я еще преувеличил в глазах моей матери и, обещав ей возвращаться в Россию на все каникулы, выхлопотал для себя право отправиться за границу».

Неправильно думать, что Луначарский в Киеве вел «затворнический», «книжный» образ жизни, ему не чужды были простые радости юности, в том числе романтические отношения с девушками. Увлекался искусством, что впоследствии определит его службу на посту наркома. «...Я далеко не целиком отдавался политике, – признавался позднее Анатолий Васильевич. – Я интересовался, насколько это было можно в Киеве, искусством, особенно музыкой, литературой, людьми. Ко многим товарищам я относился с нежностью, начал рано влюбляться во взрослых женщин. Я начинал обожать жизнь. До 17 лет я проповедовал воздержание от курения и вина»⁹.

«Обожать жизнь» – этот жизненный лозунг надолго станет путеводной звездой будущего наркома, которому он будет верен даже в самые суровые времена, в чем ему во многом будет помогать безмерная широта его интересов и увлечений – от революционной работы, публицистики и философии до написания стихов, пьес и литературоведческих работ, первые из которых появились уже в гимназические годы. В Киеве проявилась и склонность Луначарского к изучению языков: украинский и польский он вообще считал для себя родными языками, а помимо этого занимался в разной степени немецким, французским, английским и даже испанским, что позднее, в эмиграции, будет закреплено широкой языковой практикой.

⁹ РГАЛИ. Ф. 279. Оп. I. Д. 117. Л. 7.

Европейские университеты. 1895 – 1898

Луначарскому все-таки удалось уговорить мать отпустить его на учебу, хотя и на срок не более 8 месяцев, и осуществить свои мечтания, уехав в Цюрих, а затем в Ниццу, Реймс и Париж. И эта первая заграничная поездка, которая растянется с июня 1895 г. по декабрь 1896 г., определит многое в его судьбе, открыв перед ним не только мир безграничных знаний, но и перспективы работы в среде самых известных революционеров. «Так начались мои странствия, – напишет он через несколько лет, – земля раскрывалась передо мной, но кто знал, что путь будет таким долгим...» До мая 1917 г. Луначарскому выпадет провести за границей в общей сложности (в течение 4 длительных выездов) более 14 лет, и, конечно, это станет для него огромным испытанием, которое он сам охарактеризовал такими словами: «Мы обретаем себя в странствиях и здесь же до боли учимся понимать, что такое Россия».



А. В. Луначарский. Париж,
1897–1898 [РИА Новости]

Анатолий фактически пошел по стопам своего деда, эрудита и знатока многих наук, когда стал вольнослушателем Цюрихского университета, слушая лекции по своему выбору и прояв-

ляя при этом свое свободолобие, затем он также поступал в университетах Ниццы, Реймса, Парижа и в Москве по возвращении в Россию в 1898 г. В своих «Воспоминаниях из революционного прошлого» Луначарский писал: «Занятия мои в Цюрихском университете, продолжавшиеся менее года, были очень плодотворны; более или менее благотворно действовала уже сама жизнь за границей, богатство цюрихской библиотеки, широкие ресурсы Цюрихского университета и интеллектуально высокая среда тогдашнего нашего русского студенчества в Цюрихе... Я завалил себя книгами по философии, по истории, социологии и сам составил себе программу, комбинируя философское отделение факультета естественных наук, его натуралистическое отделение и некоторые лекции юридического факультета и даже цюрихского политехникума...

Но, разумеется, все отступало на задний план, в смысле моих университетских занятий, перед работами у Авенариуса. У него я слушал курс психологии, по которому я вел записки и участвовал в обоих семинариях: философском и специальном по изучению био-психологии... Мне казалось, что я привел в полное согласие этот наиболее последовательный и чистый вид позитивизма с философскими предпосылками Маркса. С этим, однако, не очень-то соглашался мой непосредственный учитель в области марксизма П. Б. Аксельрод»¹⁰.

Однако критика последним Авенариуса ничуть не помогла: Луначарский продолжал считать «эмпириокритицизм самой лучшей лестницей к твердыням, воздвигнутым Марксом». В учении Авенариуса его больше всего привлекало «обоснование биологической теории оценки», «теория элементов и характеров», «связь биологии и эстетики» и т. д. Луначарский признавался, что «все важнейшие вопросы, ответить на которые я считаю делом моей жизни, наметились для меня уже тогда, т. е. в 1895 – 96 годах», «широчайшие перспективы начали открываться передо мною, я предугадывал синтезы, наполнявшие меня счастливой тревогой». Главное, Луначарский стал уже предчувствовать, что «научный социализм» «неразрывно связан в плоскости оценки и идеала со всем религиозным развитием человечества», а это был первый шаг к главному его философскому труду «Религия и социализм» и его теории «пресловутого богостроительства», которая принесла ее автору впоследствии море критики и осложнений.

Казалось бы, развилка судьбы открывала Луначарскому философскую дорогу, сопряженную со «счастливой тревогой» открытий, но революционный дух склонил его на другую стезю. Опытный Аксельрод выступил в роли патрона молодого философа и революционера, они подружились, и Павел Борисович даже не прочь был выдать за него свою дочь. Родственниками они не стали, но Аксельрод ввел его в эмигрантскую социал-демократическую элиту Европы и познакомил юношу с Г. В. Плехановым, который пригласил Анатолия к себе в гости в Женеву и подарил ему три дня незабываемого общения.

Как оценил Плеханова Луначарский, это был «фейерверочный» собеседник. «Разумеется, мы сейчас же схватились с Плехановым, – вспоминал Анатолий. – По молодости лет я тогда никого не боялся и свои воззрения защищал с величайшей запальчивостью и дерзостью. Конечно, мне немало досталось от Плеханова».

По совету Плеханова, который высоко ценил своего молодого визави и характеризовал его позднее как «интересного человека», Луначарский «отбросил от себя» Шопенгауэра, засел за изучение Гегеля, а главное – немецких идеалистов Шеллинга и Фихте, а затем и Фейербаха. Плеханов пытался таким путем заставить Луначарского «подойти к Марксу так, как он подошел к нему сам», но в результате, по словам молодого философа, «получилось другое представление о марксизме, которое сказалось позднее в моем сочинении «Религия и социализм» и вызвало горячую и враждебную отповедь Плеханова».

¹⁰ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 2020. С. 12–13.

Как видим, Луначарский начал показывать свою строптивость и «донкихотство» уже в 19 лет и даже в компании людей, подобных Плеханову, а ведь в первом своем заграничном странствии ему повезло общаться и сблизиться с Розой Люксембург, Полем Лафаргом, Жаном Жоресом, Лаурой Маркс, Верой Засулич, старым революционером П. Л. Лавровым, видным социологом М. М. Ковалевским. И эти встречи склоняли тогда чашу весов не на философскую, а чисто революционную сторону дела, определив, что еще почти 10 лет, вплоть до эмиграции после поражения первой российской революции, Луначарскому придется окунуться именно в революционную стихию с ее подпольем, тюрьмами и ссылками.

В такой исход вмешался его величество случай. Как писал о внезапном завершении своей учебы в Цюрихском университете сам Луначарский, «жизнь резко пресекла планомерность моего развития. Рихард Авенариус умер. Тяжко заболевший брат мой... Платон Васильевич Луначарский, телеграммой вызвал меня в Ниццу. Началась борьба со смертью, которая тянулась около двух лет. Я жил с братом и его семьей в Ницце, Реймсе и Париже. Обстановка мало способствовала умственной работе. Тем не менее я много читал, изучал историю религии и искусств...».

Луначарский не был близок с братом, работавшим ранее ординатором психиатрической клиники Московского университета, но вынужден был «спасти его жизнь» с начала 1896 г.: пять месяцев в Ницце, затем около полугода в Реймсе и около года в Париже. И это многое говорит о его душевных качествах. Однако Луначарский успевал при этом и путешествовать по Европе, и работать в библиотеках, и даже написать биографию увлекшего его Гарибальди. По его словам, он «продолжал углублять марксистское мировоззрение, особенно пристально работая в области истории религии, притом совершенно самостоятельно. Я почти совершенно перестал посещать лекции и работал в музеях и библиотеках, особенно в богатом музее Гиме. Искусство и религия составляли тогда центр моего внимания, но не как эстетика, а как марксиста. На эти же темы начал я в Париже читать, не без успеха, рефераты тамошнему студенчеству».

В конце 1896 г. Луначарскому пришлось ненадолго съездить в Россию из-за вызова «для отбывания воинской повинности», но ввиду «крайней близорукости» он был от нее освобожден. И после посещения двух столиц он вновь отправляется к брату, живет в Швейцарии, Бельгии и Германии. В сентябре 1898 г. вместе с братом, несколько оправившимся от болезни, Анатолий возвращается в Москву, чтобы... открыть свою тюремно-скитальческую эпопею, включившую в себя 17 месяцев в тюрьме и 3 года в ссылке.

Тюремно-скитальческая эпопея. 1898 – 1904

Во время болезни брата Луначарскому удалось привить марксистский образ мысли придерживавшимся раньше полутолстовских-полународнических взглядов родственнику и его жене Софье Николаевне Черносвитовой (впоследствии, после смерти Платона Васильевича в 1904 г., она стала носить фамилию своего второго мужа, видного большевика П. Г. Смидовича, сама же Софья Николаевна заведовала в ЦК РКП(б) партийной работой среди женщин и стала заместителем председателя Общества старых большевиков). Как писал Луначарский, «несмотря на то, что брат... был разбит параличом и тяжело ходил, опираясь на палку, он горел нетерпением вместе со мной начать практическую революционную работу. О том же мечтала его жена». Им выпало по рекомендательным письмам Плеханова и Аксельрода поехать на укрепление Московской организации социал-демократов («Московского рабочего союза»), испытывавшей большие трудности. Фактически прибывшие в сентябре 1898 г. в Москву Луначарские участвовали в создании нового комитета РСДРП, в котором были задействованы в том числе сестра В. И. Ленина А. И. Елизарова-Ульянова, видные революционеры М. В. Владимирский и Н. И. Гусев.



Фотография А. В. Луначарского, сделанная в Таганской тюрьме.
Москва, 1899. [Из открытых источников]

Дальнейшие события, которые Луначарский, ставший тогда вольнослушателем Московского университета, хорошо описал в своих воспоминаниях, прекрасно демонстрируют те испытания, которые в ту пору приходилось преодолевать революционерам: от соблюдения конспирации и налаживания работы подпольной типографии, от организации забастовок и лекций до допросов, арестов, полицейского надзора и высылки. Внешний вид Анатолия в одном

из жандармских донесений был представлен таким образом: «Блондин, выше среднего роста, телосложения худощавого, лицо белое, чистое, одевался в пальто с бобровым воротником, носил светлые очки».

Почти весь Московский комитет был вскоре разгромлен из-за внедренного в него «прямого агента», некоей А. Е. Серебряковой, которая служила в охранке под кличками Субботина, Мамаша, Туз, и на ее совести были провалы почти всех революционных организаций Москвы. Впоследствии, в 1926 г., при участии Луначарского ее будут судить за это предательство. Брат Луначарского и его жена остались тогда в стороне, а привлеченными к так называемому «московскому делу», о котором подробно рассказано в статье «А. В. Луначарский и «Московское дело» 1899 года» Н. А. Трифонова и И. Ф. Шостак, оказались 26 человек, в том числе арестованная сестра Ленина М. И. Ульянова. Самого же Луначарского поначалу как «молодого заграничного студента, попавшего в дурную компанию», просто выслали из Москвы в Киев, но уже там через три дня арестовали, препроводили в столицу и уличили в руководящем участии в Московском комитете.

Несмотря на попытки выкрутиться и дать «правильные показания», Луначарского ждали обвинение «в организации кружков и революционной деятельности среди рабочих г. Москвы» и 8 месяцев одиночного заключения в знаменитой Таганской тюрьме с 13 апреля 1899 г. Как ни странно, эти месяцы, по словам Анатолия, оказались «очень хорошим временем», а в духовном отношении стали одним «из кульминационных пунктов» его жизни. Из-за «полного отсутствия прогулок» и неважного питания его мучила бессонница, однако заключенному давали возможность выписывать любые книги на получаемые от матери деньги, и он научился «сносно» читать по-английски. «Я прочитал целую библиотеку книг, написал множество стихотворений, рассказов, трактатов. Некоторые из них и сейчас находятся в моих бумагах. К этому времени относится окончательная выработка моих философских воззрений», – подводил он итог своих «тюремных университетов».

После освобождения 8 октября 1899 г. Луначарскому запретили проживать в Москве, «а равно и в других местностях империи» и выдали пропуск до Полтавы, чтобы там «немедленно явиться в местное полицейское управление». По прибытии он в тот же день отправился к Василию Федоровичу Луначарскому в село Супруновку Полтавского уезда, владевшему там небольшой усадьбой. Это была последняя возможность пообщаться с отчимом. По странному стечению обстоятельств к этому времени Луначарский унаследовал дворянское звание от отчима, действительного статского советника в отставке, который 31 мая 1899 г. указом Герольдии был утвержден в потомственном дворянстве. С ним дворянство получили «его жена Александра Яковлевна и их дети: Анатолий, Николай». Такой поворот оказался весьма кстати, потому что, согласно законам Российской империи, «дворянин свободен от всякого телесного наказания как по суду, так и во время содержания под стражею», и начавшему свой путь по тюрьмам и ссылкам молодому Анатолию это позволило легче переносить бремя гонений и неволи.

Ничего более существенного ставший дворянином в возрасте около 24 лет Луначарский не получил, так что отнести его к привилегированному сословию можно только с большой степенью натяжки. Для революционера, которого в будущем ждал высокий пост в Советской России, это было скорее серьезной обузой, как и для многих других большевиков дворянского происхождения. Дворянское «представительство» в большевистском руководстве (В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, Г. В. Чичерин, Н. К. Крупская, А. А. Жданов, Н. Н. Крестинский, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Г. М. Маленков, В. Р. Менжинский, Г. И. Бокий, В. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Коллонтай и другие) говорит о том, что 1917 год и события, за ним последовавшие, все-таки не были полной пропастью на пути русской истории, эта история продолжалась в другом виде и течении и ее продолжали творить самые разные социальные группы и сословия, в том числе и дворяне. Со своим уровнем образования, со своими жизненными и

культурными установками они не могли не вносить в палитру революции и нового строя свои «краски и оттенки».

После пребывания в Супруновке Луначарский некоторое время жил в Киеве у престарелой матери, а затем выбрал Калугу как город, где ему следовало подождать окончательного приговора. Однако там ему пришлось прожить целый год, а приговора все не было. Этот период в жизни революционера крайне важен. Его ждала встреча не только с К. Э. Циолковским, которому уже в советское время нарком будет всячески помогать, но и с «родственными по философским воззрениям» А. А. Богдановым (Малиновским) и В. А. Базаровым (Вл. Рудневым), с которыми он сблизился, особенно с первым. Луначарский признавался, что «нас всех объединял некоторый оригинальный уклон. Мы все глубоко интересовались философской стороной марксизма и при этом жаждали укрепить гносеологическую, этическую и эстетическую стороны его... Мы жили в Калуге необыкновенно интенсивной умственной и политической жизнью».

Луначарскому удалось приобрести в Калуге и окрестностях громкую известность и популярность. По его словам, жизнь у него была «самая разнородная, начиная от кружков самообразования среди приказчиков и приказниц, с которыми я начал с чтения Пушкина и Шекспира, продолжая литературным кружком с весьма определенным радикально-демократическим налетом... Этот конец моего пребывания в Калуге я проводил действительно в каком-то кипении и нисколько не удивлялся, когда товарищи, недавно посетившие Калугу, рассказывали мне, что память обо мне там до сих пор не заглохла».

Важным событием в жизни Луначарского стало его сближение с крупным фабрикантом Д. Д. Гончаровым-младшим (1872–1908), внучатым племянником Натальи Николаевны Гончаровой, владельцем Полотняного Завода, хранителем гнезда Гончаровых, знавшего Пушкина и его жену. Главный дом усадьбы был настоящим культурным объектом, и Луначарский позднее сыграет главную роль в том, что там откроется музей. Гончаров и его жена Вера Константиновна были людьми высокой культуры, симпатизировали социал-демократам, а Полотняный Завод их усилиями превратился в маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный характер. Не это ли объясняет пристрастие Луначарского к театру? Поражаясь действиям Гончарова по внедрению на Полотняном Заводе почти социалистических принципов, 8-часового рабочего дня, Луначарский «совсем переселился на Полотняный Завод», где вел рабочие кружки.



А. В. Луначарский (справа стоит) среди ссыльных в Вологде.
[РИА Новости]

В архиве секретаря Луначарского В. Д. Зельдовича сохранились два стихотворения Анатолия Васильевича 1901 г. с посвящением жене Гончарова Вере Константиновне Новицкой (Бергман, 1875–1937), которая была артисткой театра Корфа. По воспоминаниям будущей жены Луначарского А. А. Малиновской, из-за страстной любви к Вере Константиновне, которая была с ним того же года рождения, будущий нарком пытался покончить собой. Известно, что Луначарский оберегал Гончарову и выдал ей впоследствии «охранную грамоту», подтверждающую ее «заслуги перед революцией». Так что обычные человеческие страсти были не чужды молодому революционеру.

Во время одной нелегальной поездки из Калуги в Москву Луначарского ждала неделя заключения в арестантском доме, где революционер занимался... переводом стихотворений немецкого поэта Рихарда Демеля, которые автор позднее потерял. А в апреле 1900 г. во время разрешенной ему поездки к матери в Киев Луначарский за участие в организованном для него выступлении по теме «Генрик Ибсен как моралист» на собрании студентов на частной квартире был арестован вместе со всеми участниками. В аресте участвовал жандармский генерал Новицкий, который обратился к Луначарскому: «Вы известны как политически неблагонадежное лицо и находитесь в ожидании государева правосудия. Частный пристав разобрал это дело и выяснил его, хотя это собрание и замаскировано под литературную беседу». Как вспоминал Анатолий, «всех нас вывели на улицу, как стадо. Конные казаки, тесным кольцом охватив нас, погнали нас к находящейся на окраине города Лукьяновской тюрьме. Ближайший ко мне казак с иронией спрашивал другого: «Чего церемонятся, приказали бы взять в нагайки, помнили бы дольше и в тюрьме казенный хлеб не жрали бы». С таким приятным конвоем и дошли мы до наших новых квартир».

Арестовано тогда было 23 человека, и Луначарский попал с 29 апреля 1900 г. на 47 дней в киевскую Лукьяновскую тюрьму, где познакомился с будущим председателем Петроградского ЧК М. С. Урицким, с которым ему придется работать до его убийства в августе 1918 г. Тот был старостой политзаключенных, имевших огромную «моральную силу» в тюрьме, где служили не только «свирепые палачи». Рассказ Луначарского об этом эпизоде может поразить неожиданными деталями. Оказалось, что «политические в этой тюрьме ведут общее хозяйство на коммунальных началах, т. е. братски всем делятся, что они имеют право выходить из своих камер когда угодно и что камеры с утра до вечера даже не запираются. Действительно, тюрьма оказалась совершенно своеобразной, в ее кулуарах стояли, раскуривая папиросы, группы политических... Это чрезвычайно общественное существование вскоре до того мне надоело, что я иногда с отчаянием выскакивал в коридор и кричал нашему сторожу: «Иван Пампилович, заприте, пожалуйста, мою камеру... ведь я в одиночном заключении, могу же я хоть немножко бывать один и почитать».

О настроениях, которые обуревали Луначарского в тюрьме, свидетельствуют два стихотворения, сохранившиеся в его архиве и написанные в застенке. В первом из них «Гимн Аполлону» автор, прильнувший к окну, видит «Солнца луч», который «сквозь решетку проскользнул» и который «донесет быть может гул // наших песен, наших маршей» и «разгонит туманы мук». И далее:

Аполлон, бог просвещения,
мы тебе воздвигнем храм.
Храм победы, храм науки,
светлый, с сотнями колонн,
чтобы дети, чтобы внуки
там росли, о Аполлон...

Пусть философы, поэты
учат радости людей —
света больше, больше света,
больше счастья для людей...

Тихо. Луч исчез. Стемнело.
Ах, крепка моя тюрьма!..
Ничего. Кричу я смело:
«Свет сияй. Да сгинет тьма»¹¹.

Человек, находясь в тюрьме, думает не столько о своем освобождении, сколько о грядущей победе «света и счастья для людей!». А во втором стихотворении, посвященном Э. Верхарну, «поэту, который за грани заглянул», пророку, который знает, что «нам готовит рок», Луначарский выражает жизненное кредо революционеров, «готовых к бою с судьбою», к «испытаниям» и жестокой битве:

Ты видишь трупы, слышишь стоны —
Пусть! Опрокинем троны!
В крови
Потопим золотой кумир,
Чтоб мир

¹¹ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 341. Л. 2–3.

Стал царственным в любви!¹²

Луначарский после освобождения из тюрьмы вернулся в Калугу, где дождался наконец после двух лет после первого ареста приговора, который оказался более мягким, чем опасались: его приговорили к двухлетней ссылке в Вятскую губернию. В Вятку же ссыльному ехать не хотелось, и он самовольно поехал в Вологду и уже оттуда подал министру внутренних дел В. К. Плеве записку, что он болен, нуждается в постоянном уходе и поэтому просит оставить его в Вологде, где живут его друзья. На удивление Плеве прислал в ответ короткую телеграмму: «Луначарского оставьте». 7 июня 1902 г. ему было сообщено о «высочайшем повелении» остаться в Вологде на полгода, а 29 декабря того же года распоряжением Николая II Луначарскому было разрешено отбывать весь срок наказания в Вологде.

По пути в Вологду Луначарский заехал в январе 1902 г. в Москву, где на квартире О. Л. Книппер читал свою драматическую сказку в стихах «Искушение». Книппер вскоре послала А. П. Чехову это произведение со словами, что Луначарский «читает оригинально, смело и написана сказка красивым стихом, картинно, сильно». Через некоторое время Чехов ответил из Ялты: «...Ты в восторге от пьесы Л., но ведь эта пьеса дилетантская, написанная торжественным классическим языком? Потому что автор не умеет писать просто, из русской жизни». Показательно, что эта пьеса, так не понравившаяся Чехову и не продемонстрировавшая драматургический талант молодого писателя, до сих пор так и не обнаружена¹³.

¹² РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 341. Л. 6 об.

¹³ Летопись. Ч. 4. С. 35, 57.



А. А. Богданов (Малиновский).
[Из открытых источников]

«Вологодский» этап ссыльных скитаний Луначарского со 2 февраля 1902 по конец марта 1903 г. начинался на эмоциональном подъеме: «В Вологду я выехал после тяжелой болезни зимой 1902 года. Как раз потому, что я приехал в этот засыпанный снегом городок в тот день, сиявший на солнце, выздоравливающим и еще пошатывающейся походкой сходил на перрон вокзала, я воспринял новые вологодские впечатления необычайно радостно. Я тогда физически воскресал и с особенным наслаждением впитывал в себя окружающее».

Конечно же, настрой вызван был не только первым впечатлением: Луначарский предвкушал «интенсивную умственную и политическую жизнь», о которой ему сообщал Богданов, оказавшийся в Вологде несколькими месяцами ранее. Имена вологодских ссыльных того времени действительно впечатляют: «доминирующее положение» там занимал блиставший своими рефератами Н. А. Бердяев, с которым придется схлестнуться вновь прибывшему, проявляли там свою общественную активность самобытный писатель А. М. Ремизов, будущий «террорист» Б. В. Савинков с женой, дочерью Глеба Успенского, историк литературы и общественного движения, пушкинист П. Е. Щеголев, «экономисты» П. В. Чернышев и Н. Г. Малишевский, многие киевские знакомые ссыльного по социал-демократической работе: В. А. Карпинский, С. А. Суворов, В. А. Русанов, П. Л. Тучапский. Социал-демократы составляли самую сильную группу в Вологде, и именно эта группа стала поощрять Луначарского выступать с рядом диспутов и лекций против Бердяева, противопоставляя его идеализму марксистскую философию. И эти диспуты проходили «с выдающимся успехом», оттачивая ораторские способности Луначарского и делая его популярным среди тогдашней учащейся молодежи и многочисленной колонии ссыльных. «Сколько могу помнить, – вспоминал Луначарский, – успех мой был очень велик, и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло. Сам Бердяев, несмотря на все мои приглашения приходил на мои рефераты и возражать мне, туда не являлся. Велико, но на этот раз уже параллельно с моими собственными стремлениями, было влияние Богданова. Жил он тогда в Кувшинове, врачом при психиатрической лечебнице. Я тоже поселился там, и на все собрания мы ездили из Кувшинова в Вологду, а к нам тогда постоянно приезжали гости».

Удивительно, но социал-демократы и эсеры в целом сосуществовали в Вологде довольно мирно и дружелюбно, что создавало «идиллическую обстановку», и это потом, в 1922 г., во время процесса над правоэсеровскими деятелями вспоминал его активный участник Луначарский. Важно, что именно в Вологде он начал свою непрерывную публицистическую деятельность, свое, как он говорил, «литературное служение», написав, прежде всего, ряд статей против Бердяева, С. Н. Булгакова и других идеалистов и осуществив выпуск коллективного сборника «Очерки реалистического мировоззрения» со своей программной статьей «Опыт позитивной эстетики». Если мы обратимся к самому полному указателю статей и произведений революционера, то именно 1902 г. помечены почти первые его 11 публикаций (до этого в 1896–1900 гг. зафиксировано только по одной публикации автора каждый год). Печатался тогда молодой публицист преимущественно в газете «Северный край» и журналах «Образование», «Русская мысль», причем половина его публикаций уже тогда касалась так или иначе театральных дел, ведь он почти ежедневно бывал в Вологодском городском театре, что потом не могло не сказаться на его стойком увлечении театрами и драматургией. Луначарский написал в Вологде и цикл своих «Маленьких фантазий», которые представляли собой рассказы-притчи, показавшие склонность автора к художественному творчеству.

Сразу отметим, что именно дар литератора постепенно стал «главным двигателем» революционной и партийной карьеры Луначарского, который становился известным прежде всего благодаря своему острому перу. И его писательская активность в последующие годы только нарастала: 1903 г. – 32 публикации (здесь появляется помимо театральных еще больше философских и литературоведческих статей), 1904 г. – 42, 1905 г. – 50, 1906 г. – уже 55 публикаций. Позднее, в эмиграции, количество публикаций автора немного сократилось, потом опять стало нарастать, достигнув апогея в советское время, когда, например, в 1928 г. Луначарским подготовил и выпустил более 350, а в 1929 г. – 280 публикаций. Всего же библиографами зафиксировано более 4000 публикаций его произведений за все годы творчества, причем количество неизданных доподлинно неизвестно¹⁴.

¹⁴ А. В. Луначарский. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности. В двух томах. Том 1.

В Вологде Луначарский продолжал заниматься и чисто революционной работой в рабочей среде, находясь постоянно на виду. Это не могло не создавать ему репутации «опасного элемента», и в итоге вологодский губернатор Ладыженский, разозленный некоторыми крамольными речами и статьями молодого революционера с осуждением местных властей, распорядился выслать Луначарского в Тотьму.

Дальше последовали события, которые отчетливо демонстрируют «странную мягкость» действий властей, которые не выглядят «зловещими» и «чересчур жестокими» по отношению к революционерам. Как сообщал Луначарский, «тут началась довольно курьезная борьба между мною и губернатором: я добровольно выехать отказался – меня повезли этапом. Какие-то формальности при этом не были выполнены, и меня оставили в Кадникове. Из Кадникова я самовольно вернулся в Вологду. Тогда меня посадили в Вологодскую губернскую тюрьму. Но губернатор чувствовал смешную и нелепую сторону своих преследований против меня, в то время уже приобретшего некоторую литературную известность и, во всяком случае, почетное имя во всех сколько-нибудь интеллигентных кругах Вологды, он разрешил мне только ночевать в тюрьме, а весь день проводить у себя дома, то есть у родителей моей жены, ибо я незадолго перед тем женился на сестре А. Малиновского-Богданова – Анне Александровне».

Помимо начала литературной деятельности, свою женитьбу на 19-летней Анне Малиновской (1883–1959) Луначарский считал важнейшим событием «вологодского периода» своей биографии. Все произошло скоротечно. По воспоминаниям 26-летнего ссыльного, «после трехдневного знакомства я сделал предложение сестре А. Богданова – Анне Александровне Малиновской, в которой я нашел дорогую жену, наполнившую мою жизнь светом личного счастья». Что сыграло свою роль в такой стремительности: давняя и неудовлетворенная тоска по «женскому плечу» неустроенного ссыльного, вспыхнувшая любовь с первого взгляда или родственная близость невесты к Александру Богданову, который на то время был ближайшим другом нашего героя. Добавим к этому, что Анна была дочерью учителя, заведующего городским училищем, то есть вышла примерно из той же среды, что и ее 26-летний жених.



Анна Александровна, жена А. В. Луначарского. Флоренция. 1905.
[Из открытых источников]

Друг Луначарского И. Е. Ермолаев отговаривал товарища от «семейных уз», недопустимых для революционера, на что Луначарский ему ответил: «Я многогранен и потому не могу очутиться в лежачем положении головой вниз...» Предложение своей невесте он сделал в начале июля, а повенчались они 1 сентября 1902 г. в Николо-Владыченской церкви Вологды. В 1935 г. в интервью Анна Александровна рассказала, что ее брат считал Луначарского дон-жуаном и говорил: «А. В. ухаживал за многими женщинами. Познакомился по фотографии с Анной. Элемент сексуального эстетизма всегда привлекал внимание А. В. Заранее решил, что женится на ней». Вот так – жениться по фотографии сможет не каждый!

Отметим, что Луначарский ничуть не лукавил, когда писал, что «дорогая жена» наполнила его жизнь «светом личного счастья». Вместе им придется пройти много испытаний, она будет не раз спасать своего мужа от ударов судьбы, и главное, она станет не только его единомышленником, но и помощником во многих делах, выполняя редакторские и литературные функции. Мечтательная и эмоциональная, не чуждая «романтических отношений» с такими фигурами, как А. М. Горький и Ромен Роллан, Анюта, как ее звали родные и Луначарский, увлекалась вместе со своим мужем и революционным подвижничеством, и новой философией жизни, постоянно призывая «держат наше знамя человека», и любовью к литературе, имея

явные писательские склонности. Показательно, что свои «маленькие фантазии» Луначарский публиковал в 1902–1903 гг. под псевдонимом Анатолий Анятин.



Анатолий Луначарский (в телеге на заднем плане) направляется в Кадниковскую тюрьму, где он заболел чесоткой. Март 1903 г.

[Из открытых источников]

Через сестру долгие годы поддерживались и не прерывались отношения Луначарского с ее братом Александром Александровичем Богдановым (Малиновским) (1873–1928), одним из самых оригинальных мыслителей России первой трети XX в., чье имя оказалось надолго вычеркнутым из отечественной истории в результате резкой критики им марксизма в изложении сначала плехановской, а потом ленинской школы. Между Богдановым и Луначарским с первых лет их знакомства существовало специфическое разделение труда: Богданов тяготел к философии, а Луначарский – к искусству, что заметно по всем изданиям, где они печатались вместе. Отношения их были теплые, семейные. Обычно Анатолий Васильевич обращался в письмах к Богданову «дорогой Сашка». Всю жизнь друзей связывало очень многое – от страсти к философии, литературе и «богоискательству» до увлечения идеей пролетарской культуры, легшей в основу культурной политики Советской России после революции. «...В известной степени другом, который помог мне сделаться тем, кто я есть... это был А. А. Богданов. Мы были довольно хорошо дружны», – вспоминал позднее Луначарский.

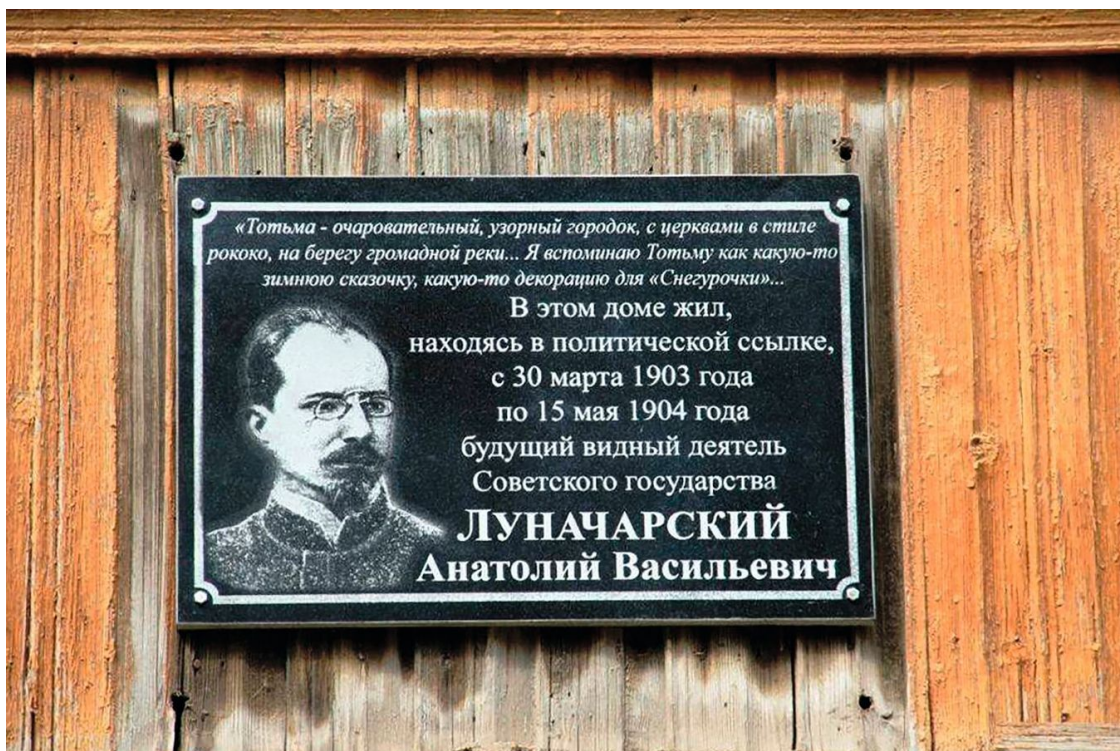
Тем временем терпение властей лопнуло, и не желавшего никуда ехать Луначарского этапным порядком отправили из Вологды в Тотьму. По дороге в городке Кадникове его на 3 дня посадили в местную тюрьму, где он оказался в одной камере с убийцами, оказавшимися «добродушнейшими крестьянами». На беду, они заразили Луначарского, как он повествовал в своей статье «Из вологодских воспоминаний», «тяжелой чесоткой». В Тотьму он выехал «в страшную распутицу, ехал с каким-то урядником, с быстротой похоронной процессии, так что те 150 или 200 верст, которые отделяют Кадников от Тотьмы, мы ехали целую вечность.

Чесотка моя за это время приобрела ужасающие размеры и закончилась тем, что при приезде в Тотьму я заболел рожей. Разные симптомы заставили думать местного врача, что у меня заражение крови, и приговорить меня к смерти. На самом деле я довольно быстро оправился, особенно благодаря уходу жены, которая поспешила вдогонку в Тотьму».

Выздоровев и осмотревшись, Луначарский с удивлением обнаружил, что новое место ссылки, где ему придется пребывать с 31 марта 1903 по середину мая 1904 г., имеет свои преимущества. Хотя, в отличие от «многолюдно-ссылной» Вологды, он должен был быть в Тотьме «один как перст», однако, по его словам, «это уединение не оказалось ни в малейшей мере удручающим. Чудесная северная природа, чудесные книги и немногие, но искренне любившие нас друзья, а главное дело, безоблачно счастливая семейная жизнь – все это создавало предпосылку для существования глубоко содержательного и, как мне кажется, сказалось в тогдашних моих многочисленных статьях, имевших, если не ошибаюсь, большой успех среди читающей публики.

По крайней мере, меня наперерыв звали во всякие журналы, издательства делали мне предложения. И вообще в Тотьме мы не чувствовали себя оторванными от всей общественной жизни страны. Тяжелым событием была только болезнь моей жены, которая слегла в тифу в последний месяц беременности, так что мы потеряли нашего первого ребенка. За исключением этого черного облака, я вспоминаю Тотьму как какую-то зимнюю сказочку, какую-то декорацию для «Снегурочки», среди которой был наш «домик на курьих ножках», с платой рубля 3,5–3 за три комнаты, с невероятной дешевизной, вроде 10 коп. за зайца с шкуркой и т. п., и с постоянным умственным напряжением за чтением все вновь и вновь получавшихся книг и приведением в порядок своего мирозерцания, за спорами, отчасти и за поэтическим творчеством. Я перевел там изданную «Образованием» драму Ленау «Фауст»... и написал несколько сказок, напечатанных в «Правде».

В «идиллии Тотьмы», где супруги «жили припеваючи», сплелись и семейное счастье, хотя и омраченное потерей первого ребенка (в 1907 г. супругов ждет еще одна потеря), и писательский успех, и постоянные поиски новых видов творчества. По свидетельству Луначарского, в Тотьме он больше всего «читал и думал» и именно там добился «наибольшего успеха в области выработки мирозерцания». «Бежать из подобной ссылки, – пояснял мемуарист, – мне не приходило даже в голову. Я дорожил возможностью сосредоточиться и развернуть свои внутренние силы. Конечно, ссылка была бы в значительной мере невыносима, если бы не превосходная семейная жизнь, которая сложилась у меня, и не постоянная общая работа с женой, явившейся для меня близким, все во мне понимающим другом и верным политическим товарищем на всю жизнь».



Памятная доска на доме в Тотьме, где жил в ссылке А. В. Луначарский.
[Из открытых источников]

Луначарский был освобожден из ссылки и от полицейского надзора 15 мая 1904 г., но в июле ему запретили жительство в столицах и в Московской губернии в течение 5 лет. Тюремно-ссылная эпопея не могла не закалить революционера. «Сбросить трусость», «жертвовать», «острота топора» – таковы были установки революционной среды, и Луначарский не случайно выбрал тогда для себя «воинственный» псевдоним Воинов (забыв Антонова и Аютина), звучавший соразмерно со Сталиным, Молотовым и другими псевдонимами, впервые широко представив себя в таком качестве на III съезде партии.

Вместе с Лениным. 1904 – 1905

По окончании ссылки 15 мая 1904 г. супруги Луначарские ненадолго переехали в Киев, где жила мать Анатолия Васильевича. Луначарскому пришлось отказаться и от заведования театральным отделом газеты «Киевские отклики», в которой он успел за 2 месяца опубликовать 10 статей и рецензий, и от чтения курсов лекций и рефератов для учащейся молодежи по требованию «партийных верхов», которые уже обратили внимание на Луначарского и считали невозможным оставлять его «на кустарной работе». Как пояснял Луначарский, партийные дела требовали его «присутствия в Женеве. «Большевики» должны были основать новый орган для борьбы с «Искрой», перешедшей в руки меньшевиков; нужны были литературные силы. Мои симпатии к большевикам определились скоро, так как их кампанию я считал борьбой за принцип партийности против высокопоставленных литературских кружков. Больно было оказаться в противоположных лагерях с тов. Аксельродом. Дальнейшие – и уже тактические – разногласия окончательно укрепили мой «большевизм».

С этого времени Луначарский вступил в полосу суровых партийных дрязг и столкновений, которая, как он сам признавался, не принесла ему «счастья и покоя». Поначалу он был совсем далек от внутривнутрипартийной борьбы, но усилиями, прежде всего, Богданова, а потом и Ленина, ему пришлось в итоге наступить на «горло собственной песни», погрузившись «тяжелое время полного раскола между большевиками и меньшевиками».

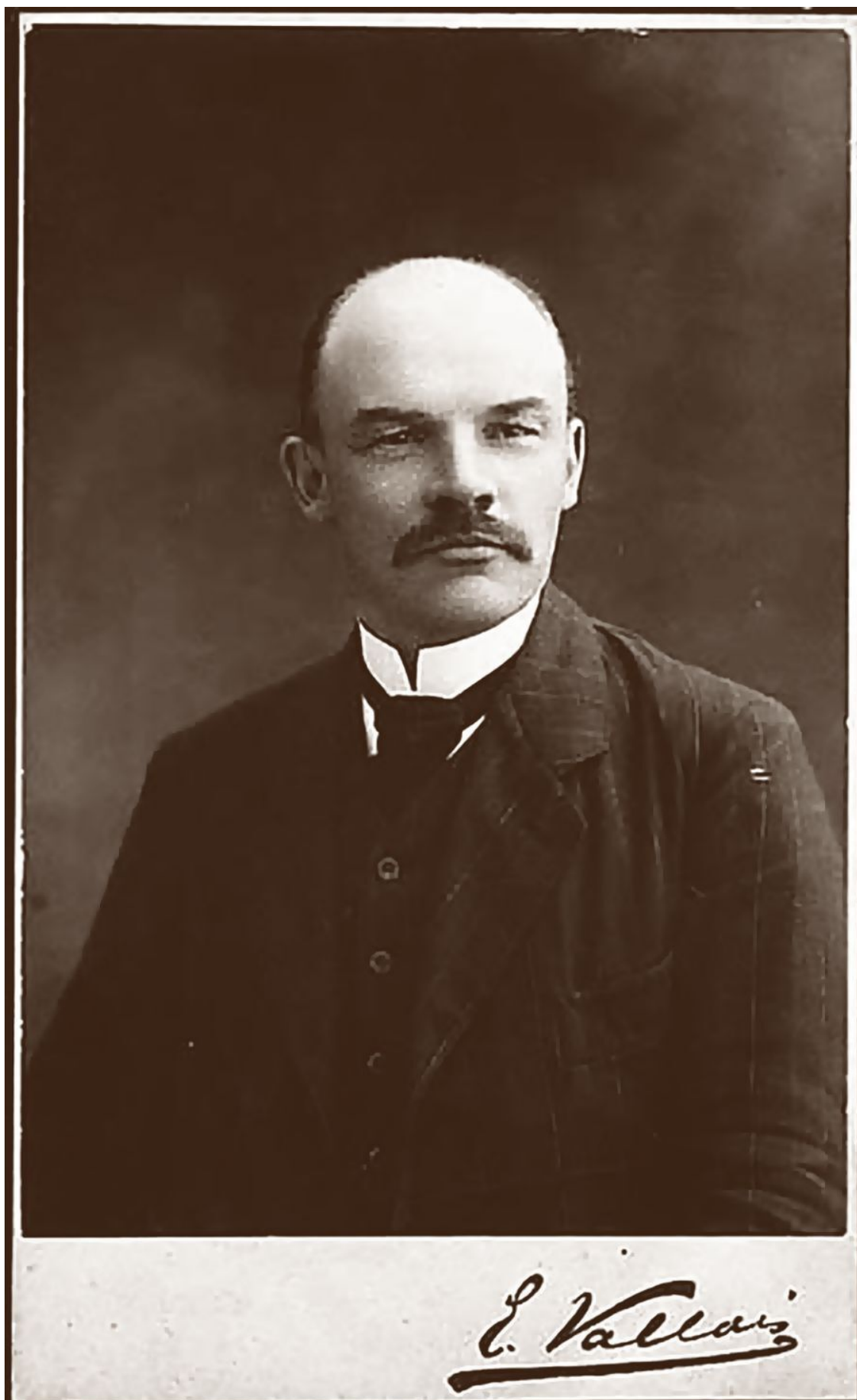
Как вспоминал М. М. Эссен о положении большевиков, «авторский кризис был у нас значителен. Кандидатуры Богданова и Луначарского ставились Лениным на первый план», а Крупская писала в Петербург П. И. Кулябко, чтобы он спросил М. И. Ульянову, передала ли она Луначарскому, чтобы «он ехал за границу как можно скорее». Первыми к Ленину в Женеву в 1904 г. приехали А. А. Богданов и М. С. Ольминский. По свидетельству Крупской, август они «провели вместе с Богдановым, Ольминским в глухой деревне... К литературной работе Богданов намечал привлечь Луначарского... Наметили издавать свой орган за границей». В конце сентября Крупская еще раз сетовала в письме Богданову «...Письмо о Миноносце легкомысленном завалилось у адресата и было получено только вчера. Отсутствие писем страшно беспокоило, не знали, что думать»¹⁵.

Получается, что в тот момент Луначарский с его литературными талантами был нужен Ленину больше, чем Ленин самому Луначарскому с его обширными творческими интересами, не замыкавшимися только революционно-партийной работой. В самом конце сентября 1904 г. Анатолий Васильевич, по его словам, получил письмо от Богданова, извещавшего «довольно подробно о положении вещей и, от своего и Ленина имени, настаивавшего на моем немедленном отъезде за границу для участия в центральном органе большевиков». Луначарский с женой решили «повиноваться призыву Ленина. Мы выехали за границу». Однако об этом в Женеве не знали, и в конце сентября – начале октября Крупская еще несколько раз по просьбе Ленина писала в Россию, подчеркивая, как нужен Ленину Луначарский: «Где застрял Миноносец Легкомысленный?», «От Легкомысленного никаких вестей». В это же время сам Ленин просил Эссена поехать в Париж и разыскать там Луначарского, чтобы он приехал в Женеву на встречу с ним.

В этом эпизоде любопытно, что за Луначарским в партийной среде уже в 1904 г. твердо закрепилось прозвище Миноносец Легкомысленный, означавшее соединение в его образе настойчивости, целеустремленности с творческой разбросанностью и увлеченностью. Приехав в Париж 12 октября 1904 г., накануне начала первой российской революции, Луначарский, несмотря на призывы Ленина, почти на 2 месяца задержался в городе, где его «охватила стихия

¹⁵ Летопись. Ч. 4. С. 64, 69.

жизни, которая нигде не бурлит с такой силой, как в Париже». «Для моих публичных выступлений я там же изобрел себе псевдоним Воинов», – вспоминал Луначарский.



В. И. Ленин. Париж, 1910.

[Из открытых источников]

Ленину, незадолго до этого порвавшему со своими учителями Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и своими единомышленниками – Ю. О. Мартовым и А. Н. Потресовым, было не просто одиноко. Ему нужен был сотрудник для экстенсивной работы, которую Ленин сам не очень-то любил. В этом смысле Луначарский мог стать истинным подарком судьбы, потому Ленин и был таким настойчивым. В Париже Анатолий Васильевич, по его словам, «получил два письма от самого Ленина. Письма были короткие. Они торопили меня скорее приехать в Женеву. Я обещал, но задерживался»¹⁶.

20 октября 1904 г. Крупская написала из Женевы Богданову: «О Миноносце Легкомысленном ни слуху, ни духу», а Ленин тут же приписал: «Употребите все силы, чтобы Миноносец Легкомысленный двигался скорее. Промедление необъяснимое и страшно вредное. Отвечайте немедленно и подробнее, и поопределеннее». Богданов ответил, что «Миноносец хотел изучить литературу, заботьтесь о нем сами». Ленина это явно нервировало: «Легкомысленный уехал в сторону и держится выжидательно!»

Дошло до того, что Ленин потерял терпение и сам поехал в Париж! О его нетерпеливости говорит хотя бы тот факт, что он заявился к Луначарскому 19 ноября 1904 г. ранним утром в отель «Золотой лев» на бульваре Сен-Жермен без всякого предупреждения. Что из этого вышло, описал сам Луначарский: «– Вы Луначарский? – спрашивает незнакомец, слегка картавя. Я смутно соображаю, что, должно быть, из Женевы прислали человека, который поторопил бы меня и прекратил бы мое парижское сидение. Не очень дружелюбно я спрашиваю: «Вы, может быть, ко мне от Ленина?»

– Я сам Ленин, – отвечает незнакомец. Тут я несколько смутился.

– Пожалуйста, входите. Что это вас так рано принесло?

– Если вы считаете, что я приехал за вами слишком рано, то я, наоборот, приехал слишком поздно, потому что вы здесь зря теряете время, а у нас из-за вашего промедления застопорилось дело с выходом первого номера «Вперед». А если вы намекаете на ранний час утра, то я действительно немного не рассчитал с поездом и не думал, что приеду на рассвете».

Не многие из большевиков могли бы похвастаться подобной сценой и знакомством с вождем революции почти ровно за 11 лет до этой самой революции. Луначарский повел Ленина тем ранним утром к скульптору Н. Л. Аронсону, который угостил нежданных гостей кофе и попросил Ленина попозировать. И уже 20 ноября Ленин сообщал Крупской: «Постараюсь приехать поскорее и ускорить приезд Миноносца... Завтра переговорю с Миноносцем и, наверное, он будет за меня».

Луначарский наконец-то отправился в Женеву около 10 декабря. Там он «вошел в редакцию газеты «Вперед», а позднее «Пролетария»: «Редакция, правда, была у нас дружная, она состояла в то время из 4-х человек: Ленина, Воровского, Галерки (Ольминского) и меня. Я выступал и писал под фамилией Воинов». Луначарский произвел в Женеве фурор, впервые познакомившись с членами редколлегии, а также Крупской, В. Д. Бонч-Бруевичем и П. Н. Лепешинским. Крупская писала, что Ленин «прямо вцепился в него». Лепешинский объяснил это так: «Приехал он в Женеву скромным, очень непретенциозным человеком, как будто даже не знающим себе цену, и только черные, с живым огоньком веселого юмора глазки, да приподнятые по-мефистофельски углы бровей и задорная, с устремлением вперед, клинообразная бороденка наводила на мысль о его, так сказать, политической зубастости... Наш новый лидер сразу же успел показать себя большим мастером речи... В решении Ильича издавать большевистский орган в значительной мере сыграло роль побудительного мотива то обстоятельство, что он мог начать это дело с т. Луначарским».

¹⁶ Литературное наследство. Т. 82. С. 798.

Очарованная Крупская писала Р. С. Землячке 12 декабря: «Приехал Миноносец и бросился с головой в бой. Оратор он великолепный и производит фурор». В других письмах она писала о нем: «Блестящий оратор, талантливый писатель, он буквально наэлектризует публику... Большевики злятся, устраивают скандалы, ну да на них наплевать... Старик (Ленин) ожил и стал работать вовсю. Воинов тоже молодчина, работать здоров, отдался весь делу...»¹⁷ Согласно свидетельству Крупской, «с той поры Владимир Ильич стал очень хорошо относиться к Луначарскому, веселел в его присутствии, был к нему порядочно пристрастен».

Включение Луначарского в агитационно-публицистическую деятельность партии вполне оправдало себя: в 1905 г. только в центральном органе партии газете «Вперед», а затем «Пролетарии» увидело свет 40 статей и публикаций Луначарского, не считая тех, которые он подготовил как редактор, и тех, которые выпустил в других изданиях социал-демократов. В 1925 г., осознавая значимость тех публикаций, Луначарский задумал издать их отдельным сборником, и в предисловии к нему пояснил, что «все статьи этой серии просматривались Владимиром Ильичом довольно тщательно; если сохранились их черновики, то там видно, как прогуливался карандаш Владимира Ильича». Сборник не вышел, но черновики сохранились и были опубликованы в 1971 г. в том самом выпуске «Литературного наследства» (т. 80) «В. И. Ленин и А. В. Луначарский». Он включил в себя почти всю известную на то время переписку двух революционных лидеров, а также различные доклады и документы. Публикация заняла более 100 страниц книги увеличенного формата и показала, насколько плодотворным было тогда сотрудничество двух революционных лидеров и как они сблизились на почве совместной работы.

В 1905 г. Ленин ценил в Луначарском одаренность, эрудицию, умение работать, его литературный талант. Крупская писала: «...Умение оформлять – искусство. И Владимир Ильич особенно ценил тех членов редакции и сотрудников, которые обладали талантом оформления. С этой стороны Владимир Ильич особенно ценил Анатолия Васильевича Луначарского, не раз говорил об этом. Вот выскажет кто-нибудь какую-нибудь верную и интересную мысль, подхватит ее Анатолий Васильевич и так красиво, талантливо сумеет ее оформить, одеть в такую блестящую форму, что сам автор мысли даже диву дается...»

ЦК партии 11 мая 1905 г. постановил: «Предложить тов. Воинову 100 рублей в месяц, чтобы отдавать по возможности все свои литературные силы на службу партии и жить на ее средства». Ленин писал по этому поводу Луначарскому: «Надо вовсю работать на с.-д. – не забывайте, что вы ангажированы на все ваше рабочее время»¹⁸.

Уже тогда в партии стали ходить легенды о неслыханном энциклопедизме Луначарского и его умении выступать на любые темы. Большевик М. И. Лядов вспоминал о том, как в преддверии нового 1905 года происходила встреча эмигрантов у Ленина: «Было скучно как-то, неуютно чувствовали себя – это был 1904-й год. Кто-то говорит: «Может, А[натолий] В[асильевич] пришел бы, развеселил нас». В это время он входит, раздевается. В[ладимир] И[льич] кричит ему: «Двухчасовую речь о черте!» А[натолий] В[асильевич] думал, пока снимал только пальто. Он вошел в гостиную и в течение ровно двух часов развернул такую богатую, такую интересную, такую научную картину всего того, что можно сказать о черте, что мы во главе с В[ладимиром] И[льичом] по полу катались. Это действительно был настоящий святочный рассказ, но рассказ глубоко научно обоснованный и замечательно красиво выполненный»¹⁹.

С будущим вождем революции у Луначарского установились особо доверительные отношения. Ленин ценил его за ответственность и исполнительность, считая на редкость одаренным человеком. В этот период Луначарский перестал колебаться в поддержке большевиков. Он подчеркивал, что его мирозерцание и характер не располагали его «к половинчатым пози-

¹⁷ Летопись. Ч. 4. С. 78–79, 80.

¹⁸ Литературное наследство. Т. 80. С. 509.

¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-8654. Оп. 1. Д. 1359. Л. 8–9.

циям», к затемнению «максималистских устоев подлинного марксизма», при этом подчеркивал, что «между мною, с одной стороны, и Лениным – с другой, было большое несходство».

Пройдет время, и эти разногласия приведут все-таки к разрыву Луначарского и его группы с Лениным. Но не все было гладко и в 1904–1905 гг., особенно общая атмосфера политической работы, которая была «до крайности неприятной» для щепетильного в нравственных вопросах будущего наркома. «Год заграничной литературной и агитационной деятельности, закончившийся III съездом партии, не могу вспомнить добром, – писал Луначарский позднее. – Если и прежде мне не удавалось работать вплотную над моей большой задачей... тут же пришлось целиком отдаться полемике, часто мелкой, всегда озлобленной с обеих сторон».



Группа делегатов III съезда РСДРП. Лондон, апрель 1905 г. Плакат.
[Из открытых источников]

Любопытно, что о грянувшей в России первой российской революции, которая привела всю эмиграцию в «невиданное волнение» и разбудила огромные надежды на будущее, Ленин узнал именно от Луначарского 10 января 1905 г., когда встретил его с женой Анной Александровной по пути в Женевскую библиотеку²⁰. Эта новость была воспринята Лениным «с ликованием», он сразу оценил это трагическое событие 9 января как «начало революции» с «тысячами убитых и раненых»²¹. Через несколько месяцев, в августе 1905 г., Луначарский напишет стихотворение «К юбилею 9 января», который Ленин пометил: «К набору непременно в № 12», и этот стих будет опубликован в газете «Пролетарий». Это было вообще первое стихотворение, опубликованное автором, и интересно, что царизм в нем осуждался не со стороны какого-либо пролетария, а «набожного старика», который наивно верил в царя, но погиб 9 января:

²⁰ См.: Летопись. Ч. 4. С. 82, 84.

²¹ Вперед. 1905. 18 (31) января.

Упал старик, сраженный в грудь, —
Убит царем кровавым,
И бог не мстит с своих небес
Своим рабам лукавым.
Повсюду кровь, смятенье, смерть,
Звучат угрозы, стоны.
А на краснеющем снегу
Разбитые иконы.

С тех пор Ленин следил за поэтическим творчеством будущего наркома, выступив, к примеру, за публикацию в «Пролетарии» его стихотворной баллады «Два либерала». Интересно, что Луначарский вместе с Лениным в начале февраля 1905 г. встречался в Женеве с Гапоном, который пытался договориться о дальнейших совместных действиях с большевиками. Луначарский потом вспоминал: «В тот же день вечером почти вся наша группа встретила с инженером Рутенбергом, будущим убийцей Гапона, который в то время возил его по революционным кружкам Европы, и с самим Гапоном. Ничего всемирно-исторического в Гапоне заметить было нельзя»²². Ленин отзывался о Гапоне совсем не лестно, как о «ненадежном флюгере», понимая, что будущего у него нет. Так и случилось...

В апреле 1905 г. Луначарский выехал в Лондон для участия в работе III съезда РСДРП(б) в качестве делегата Московского комитета партии. И не просто делегата. Ленин поручил именно ему выступить в качестве основного докладчика по вопросу о вооруженном восстании (содокладчиком был Богданов). Ленин составил основные тезисы доклада и попросил Луначарского предоставить ему полный текст будущего выступления, который потом одобрил, сделав несколько замечаний. И как отмечала Крупская, главный посыл выступления Луначарского был против меньшевиков, «о необходимости организации вооруженного восстания... Содержание этой речи было боевое, это была именно та речь, которая в этот момент была нужна». Резолюция по докладу Луначарского была принята единогласно при одном воздержавшемся. В ЦК Луначарского не избрали, но он вошел в состав новой редакции Центрального органа партии. Пленум предложил «т. Воинову отдать по возможности все свои литературные силы на службу партии».

На съезде, по мнению Луначарского, «создалось движение большевизма. Были выработаны определенные тезисы: держать курс на революцию, готовить ее технику, не забывать за «экономическим и закономерным» волевого организующего начала... Все это сделало большевистскую партию готовой к первым бурям и грозам революции 1905 г.». Казалось бы, все обстояло благополучно, и Луначарскому следовало быстрее ехать в революционную Россию, однако, вернувшись в конце апреля в Женеву, он в начале июня уезжает во Флоренцию. Это объяснялось его усталостью, нервным переутомлением, начинавшейся болезнью сердца и частичным неприятием того, что ему приходилось переживать в последнее время.

²² Красная газета. 1927. 22 января.



А. В. Луначарский. Флоренция, 1905.
[РГАСПИ]

«Не могу сказать, чтобы женеvский период, тянувшийся почти два года, оставил во мне особенно приятные воспоминания, – констатировал тогда Луначарский. – Жизнь эта меня утомила... Пошатнувшееся здоровье заставило меня поехать в Италию на лето 1905 года. Но и отсюда я продолжал деятельное сотрудничество в с.-д. журналах». Во Флоренции Луначарский начал получать личные письма от Ленина с заказами на статьи. Выезжая в Виареджо, городок на берегу Лигурийского моря, он отвечал: «О возвращении моем в ближайшем будущем говорить не приходится. Мне совершенно необходимо пожить около моря, т. к., к немалому моему огорчению, здоровье мое оказалось несравненно более пошатнувшимся, чем я предполагал. Но ущерба Вам никакого не будет, писать буду много: статьи по три в неделю. К осени с рефератом приеду...»

Однако Ленин не успокаивался, утверждая в первом дошедшем до нас письме Луначарскому от 19 июля 1905 г.: «Трудно нам без Вашего постоянного и близкого сотрудничества. Газета, правда, идет, но и в ней есть некоторое однообразие. Это раз. А второе: брошюр нет, особенно популярных. Необходимо бы Вам продолжать в духе «Как петербургские рабочие к царю ходили?». Через день в новом письме Ленин опять звал Луначарского в Женеву с призывом, что его отсутствие там наносит партии «громadный ущерб, который яснее ясного чувствуется с каждым днем. Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писание становится менее политическим... Борьба за партию не кончилась, и до действительной победы ее не доведешь без напряжения всех сил. При этом Ленин жаловался, что почти все окружающие его партийные деятели, в том числе М. С. Ольминский, «слишком добренькие», охваченные «духом нытья», «не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки. Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты»²³.

Как видно, Ленин ставил Луначарского на голову выше прочих ближайших соратников, и, конечно, ни о какой «неорганизованности, безалаберности, слабости и разбросанности», на которые будут пенять многочисленные недруги наркома, говорить не приходится. Показательно, что Луначарский твердо проявит в этот важный момент свой характер, как он это будет делать потом не однажды, несмотря ни на какие авторитеты. В ответном письме Ленину от 21 июля он, вспоминая утомившую его «миссию странствующего проповедника и полемиста со всяческим рвением», откровенно писал: «Вы зовете меня в Женеву и ожидаете много от моего личного воздействия. Владимир Ильич, я хорошо помню это личное воздействие – колоссальнейшая трепка нервов без всяких осязательных результатов. В Женеве я чувствовал, что глупею и слабею, здесь, в Италии, я пропасть работаю и нагуливаю телесные и духовные силы, которые, несомненно, страшно понадобятся мне, когда нам, наконец, можно будет переехать в Россию... Мне будет очень горько, если Вы и другие мои дорогие друзья и товарищи по делу будут на меня сердиться, но so denke ich, anders kann ich nicht! («на том стою и не могу иначе!» – слова Мартина Лютера. – С. Д.)».

Идя навстречу Луначарскому, ЦК РСДРП 27 июля в письме из Петербурга сообщало М. С. Ольминскому: «Кстати, передайте Воинову, что мы решительно против его возвращения в Россию. Это страшно ослабило бы ЦО, а между тем масса шансов на его провал. Конспиративные условия очень тяжелые...»²⁴ А в начале августа 1905 г. Ленин просил Луначарского откликнуться на работы меньшевиков Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова, еще раз подчеркивая, что подобная задача по силам лишь ему: «Думаю, что могли бы сделать это *только* Вы. Невеселая работа, вонючая, слов нет, – но ведь мы не белоручки, а газетчики и оставлять «подлость и яд» не заклеяменными непозволительно для публицистов социал-демократии». После этого

²³ Литературное наследство. Т. 80. С. 12.

²⁴ Партия в революции 1905 года. М., 1934. С. 372.

Ленин еще несколько раз ставил перед Луначарским публицистические задачи, которые тот с блеском выполнял.

Пришлось выступить Луначарскому и против старого товарища Богданова, который вместе с Л. Б. Красиным занял в ЦК примиренческую позицию и согласился на все условия меньшевиков об объединении партии без ведома Ленина. Ленин взывал по этому поводу к Луначарскому: «Пригвоздите их за их мизерный способ войны. Сделайте из них тип». Вся известная нам переписка Ленина с Луначарским в этот период, с июня по сентябрь 1905 г. (18 писем), свидетельствует об их добрых отношениях, деловых и личных. Так, Ленин неоднократно передавал приветы жене Луначарского Анне Александровне.

По сути, отъезд Ленина в Россию осенью 1905 г. задерживался именно из-за Луначарского. Ленин в письме в ЦК РСДРП прямо признавал: «...Приехать в назначенный срок я не смогу, ибо теперь немислимо бросить газету. Воинов застрял в Италии... Не на кого оставить...» Дошло до того, что при создании первой большевистской легальной газеты «Новая жизнь» в Петербурге П. П. Румянцев от имени редакции просил в письме к Ленину 8 октября 1905 г. «давать еженедельно по одной статье», «о том же просим Воинова, и в частности, предлагаем ему писать злободневные политические фельетоны, памфлеты и т. п.». Таким образом, Луначарский встал в первый ряд большевистских публицистов, и это спасало его потом нередко от нападков недоброжелателей внутри партии. «Новая жизнь» выходила в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 г под редакцией Ленина, Луначарский же с самого начала числился в ней сотрудником.

В горниле первой революции. 1905 – 1907

Ленин сразу по прибытии в Россию после 8 ноября 1905 г. послал во Флоренцию телеграмму с просьбой к Луначарскому срочно выехать в Петербург. Как вспоминал Анатолий Васильевич, он получил «категорическую телеграмму» о «немедленном выезде моем в Россию, именно в Петербург, где я нужен был в качестве редактора большой газеты «Новая жизнь», которая возникла, как известно, под редакторством Минского и Горького, независимо от нас, но была предоставлена в распоряжение большевистского центра. Я, конечно, немедленно выехал и в первый же день после приезда в Петербург явился в редакцию»²⁵. Как это часто случалось в жизни Луначарского: события влекли его за собой, не давая времени на передышки.

Луначарский приехал в Петербург не позднее 23 ноября и сразу окунулся в водоворот революционных событий накануне их кульминации. Он писал массу статей, причем не только в социал-демократические органы печати, и начал постоянно выступать с лекциями и рефератами. Кстати, именно в редакции «Новой жизни» 27 ноября Луначарский впервые встретился с А. М. Горьким, и его тесные отношения с ним продлятся долгие годы.

Когда газеты «Новая жизнь» и «Начало» оказались закрыты, большевики попытались открыть газету «Северный голос» с участием меньшевиков, которые вели с ними переговоры об объединении усилий. На этих совещаниях постоянно бывал Луначарский. По его воспоминаниям, он часто стал встречать там Ленина и «наблюдал его в этой фазе развития нашей партии как тактика и стратега внутрипартийных боев. Я хорошо помню эти собрания. Они обыкновенно имели место на частных квартирах. В них участвовали человек 25–30... В большинстве этих собраний председательствовал я, но линию нашей партии вел исключительно Ленин...»²⁶. Напомним, что Луначарский не был членом ЦК партии, но его авторитет, особенно в широкой социал-демократической среде, позволял ему вести такие важные совещания даже в присутствии Ленина.

В «пылу революции» Луначарский не забывал и о творчестве, которое всегда служило ему отдохновением от «политической круговерти». Он написал в ноябре 1905 г. драму «Из иного мира», а в декабре – пять одноактных пьес «на злобу дня» – «Пять фарсов для любителей». Однако на свободе Луначарскому выпало провести после приезда в Россию всего менее 40 дней. В начале декабря 1905 г. был арестован первый состав Петербургского Совета. А 31 декабря во время собрания социал-демократов Невского района Петербурга в Императорском техническом обществе арестовали и Луначарского. Он провел несколько дней в Шлисельбургском участке, а 4 января был переведен в знаменитые петербургские «Кресты» в одиночную камеру. И, как раньше, 24 дня нахождения в тюрьме снова стали для него временем небывалого творческого подъема. Писать никто не мешал, а тюремная библиотека оказалась «вполне приличной». Луначарский задумал создать книгу «Великаны – мученики» о великих деятелях русской культуры и пьесу «Фауст и город». За 8 дней, с 9 по 16 января, Луначарский написал большую стихотворную пьесу в 7 сценах «Королевский брадобрей», которую считал «недурственной вещью».

²⁵ Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 83.

²⁶ Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 88.



Тюрьма «Кресты». Санкт-Петербург, начало XX в.
[Из открытых источников]

«Королевский брадобрей» окажется первой из всех опубликованных Луначарским пьес, и ее будут ставить в советское время много раз, преимущественно в небольших театрах. Действие пьесы происходит в XV в. в западноевропейском государстве, где избалованный и вообразивший себя богом король Дагобер Крюэль, преступая законы естества и доказывая свое всемогущество, намеревается соединиться браком со своей семнадцатилетней красавицей дочерью. Окружение короля готово оправдать любое преступление правителя, лишь один Этьен – представитель ремесленного люда – поднимает голос протеста, но он бессилен что-нибудь изменить. И как ни странно, на помощь дочери Бланке пришел в итоге честолюбивый брадобрей и шут Аристид, который перерезал королю горло. Как показал Луначарский, власть короля зависит от случайности, даже брадобрей может прервать ее, и это говорит о слепоте власти, о бессилии сильных мира сего. В 1906 году, когда пьеса была опубликована, это не могло не звучать как дерзкий антимонархический выпад, автор же называл свою пьесу «критикой власти в одной из ее наиболее чистых форм».

Любопытно, что и в дальнейшем действие большинства пьес Луначарского во многом в силу его увлеченности европейской историей и культурой будут происходить в Европе в средневековые времена. Первая же его «ученическая» пьеса «Искушение», навеянная «Фаустом» Гёте, написанная в 1895 г., но напечатанная лишь в 1922-м, повествовала о смелом и вольном духом послушнике Мануэле, преодолевающем религиозные догматы, плотские искушения и вместе со своей возлюбленной Фолеттой нашедшем свое счастье.

В «Крестах» Луначарскому хватило вдохновения и для поэтических опытов с примесью тоски по жене, семейному счастью и с надеждой на появление у них ребенка:

Вон, любовь моя, сияют
За Невой огни,
Может быть, лицо ласкают
Милые они!

Может быть, там наша крошка

Мчится вдоль Невы?
Не отынешь от окошка
Грустной головы.

Любопытно, что этот стих Луначарский подписал «Тюрьма. Зима. 30 лет», ведь ему за месяц до ареста исполнилось именно 30 лет и он не мог не понимать, что это уже приличный возраст, а жизнь его еще вообще никак не устроена, в том числе на семейной фронте. Да еще эта тюрьма! Приходилось поддерживать себя... поэзией и иронией:

Ты помнишь, милая, родная, да?
Нам было хорошо и там, в странах полных.
Нам хорошо с тобой везде, всегда,
Не хорошо лишь в тюрьмах одиночных!²⁷

Именно любовь давала силы и надежды заключенному, который еще и еще раз пытался выразить это стихами:

Ты моя краса и сила,
Жизни путь со мной свершая,
Друг волшебный, друг мой милый,
Дышишь ты дыханьем мая...

Знаешь, ведь вернется краше
И весна, и обновление.
Нас заменят внуки наши...
Слава вечному движенью...²⁸

В стихотворениях Луначарского, даже если в них присутствовала печаль или тревога, как правило, побеждали жизнь и свет:

Днем я плотно плотью схвачен,
Не просвечивает тайна.
Ночью сон мой многозрачен,
Но игра его случайна.

Ведь я здешний, светлый, умный.
Да, я знаю есть иное:
Смерть откроет дверь бесшумно:
А пока – чаруй земное!²⁹

Как-то трудно представить, что подобный стих написал «истинный революционер», вышедший недавно из тюрьмы и всецело посвятивший себя «делу социализма». Но таков был многогранный облик Луначарского, который признавался, что нередко стихи «толпятся, напирают» на него, что непонятно, «бог или демон» рождает их в темноте, и что он хотел бы «захлопнуть как тюрьму» навязчивую «бездну грез». Отрывки из всех этих стихов Луначар-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 344. Л. 7–8 об.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 344. Л. 1 об, 4 об.

²⁹ Там же. Л. 10.

ского 1905–1906 гг. публикуются впервые, и они очень важны для понимания его характера и жизненного настроения, его целеустремленности и стойкости.

Попутно отметим, что еще одной малоизвестной чертой творческого таланта Луначарского была его страсть к переводам европейских поэтов. Еще в 1904 г. под псевдонимом «А. Анятин» он издал полный перевод «Фауста» австрийского поэта-романтика Николауса Ленау. А уже после революции отдельными изданиями в переводе Луначарского вышли две книги: *Мейер К. Ф.* Лирика (Пг., 1920) и Александр Петефи. Избранные стихотворения (М.—Л., 1925), подготовленные задолго до этого. Неизданной до сих пор осталась главная переводческая работа Луначарского – перевод известной поэмы лауреата Нобелевской премии Карла Шпителлера «Олимпийская весна», который составил более пяти тысяч строк. С автором Луначарский был лично знаком и считал своим долгом донести до российских читателей его творчество. Кроме этих имен в переводах Луначарского, преимущественно с немецкого, можно найти в различных публикациях 1900–1930-х гг. стихи таких авторов, как Ф. Мистраль, Ф. Гельдерлин, Г. Гессе, А. Лихтенштейн, М. Брод, Л. Шарф.

«Замахивался» Луначарский и на У. Шекспира, причем весьма удачно, что может подтвердить, к примеру, переведенный им «Сонет LXVI»:

Устав от этого – о смерти я кричу.
Талант рождается позорным нищим,
Ничто красуется в блистательном жилище,
И верность отдана злосчастью – палачу...
В наморднике чиновничьем искусство,
И доктор Дурь – над гением патрон,
Зовется глупостью естественное чувство,
И Благ – рабом; и Гаду гнут поклон.
Устал я и хотел бы сна могилы,
Но как оставить мне тебя, мой милый.

В 1908 г. в горьковском сборнике «Знание» (№ 24) были опубликованы две переведенные Луначарским поэмы немецкого поэта Рихарда Демеля «Освобожденный Прометей» (не почерпнул ли отсюда автор идею своей будущей пьесы «Освобожденный Дон Кихот»?) и «Демон желаний». На фундаментальном сайте, посвященном Луначарскому, – <http://lunacharsky.newgod.su/> – высказана очень интересная идея, что если поэмы Демеля, по признанию Луначарского, он публиковал под псевдонимом Н. Шрейтер, то, вероятное всего, и другие публикации этого времени под таким же именем могут принадлежать перу Луначарского, который почему-то не хотел раскрывать своего авторства стихов, которые в полной мере вписывались в канву Серебряного века. Если это действительно так, размещенные на указанном сайте 36 стихотворений, опубликованных за подписью Н. Шрейтер в журнале «Русское богатство» с 1902 по 1911 г., и в том же сборнике «Знание» (1908, № 20) значительно дополняют «поэтический портрет» Луначарского, которому не чужды были и романтические описания природы, и размышления о родной земле, и мистические фантазии, и гимны революционному делу. Вот образец такого гимна:

Ведет нас трудная дорога
Под гнетом скорби, лжи и зла...
Но сил могучих, смелых много,
И даль грядущего светла!
Высоких дел живые звенья,
На благо общее людей,

Куют и наши поколения,
И не страшит их звон цепей.
Святые жертвы, кровь и слезы
Необходимы для земли,
Чтоб счастья пламенные розы
В лучах свободы расцвели!..³⁰

А вот стих Луначарского «Из южных мелодий», в котором описаны приметы солнечной Италии, приютившей странника-эмигранта. Он опубликован в предыдущем номере того же журнала.

В лазурном зеркале волны
Платаны, мирты, кипарисы,
Кусты азалий, лавры, тисы
И груды скал отражены.
Залитый солнцем рай земной
Глядит в волну – не наглядится...
И сон ему блаженный снится —
Весна и полдень золотой!

В любом случае поэзия занимала в жизни Луначарского заметное место, и он вспоминал о ней всегда, когда ему удавалось или отдыхать, или... сидеть в тюрьме. Однако делал он пробные опыты и в прозаическом жанре. В 1912 г. вышла в свет его книга «Идеи в масках», в которой наряду с пятью ранними пьесами автора им были помещены 10 рассказов, которые публиковались в различных изданиях с 1902 г. В 1923 г. вышло второе издание этой книги, дополненное еще восемью рассказами, показавшими, что и проза была подвластна автору-универсалу. Как вспоминал тогда Луначарский, «некоторая часть рассказов, которые я писал для газет, большею частью для воскресных, новогодних и пасхальных номеров, считались мною утерянными, рукописи не сохранилось, а рыться в газетах было недосуг. Сейчас, благодаря любезному содействию тов. Зельдовича, рассказы эти были разысканы. Я прочитал их и нахожу их заслуживающими быть включенными в новое расширенное издание книжки «Идеи в масках». Надеемся, что когда-нибудь написанное Луначарским в прозе и стихах будет издано в возможно полном объеме, с учетом многих потерь, которых уже не вернуть».

Выйдя из тюрьмы, Анатолий Васильевич, несмотря на установленный за ним особый надзор полиции, как ни в чем не бывало снова влился в политическую борьбу, в том числе в процесс избрания в Государственную Думу. И снова он был рядом с Лениным: «Во время избирательной кампании мне приходилось очень часто сопутствовать Ленину. Я думаю, не менее чем на 10 собраниях выступали мы с ним вместе. В большинстве случаев по заранее установленному плану я излагал основную нашу платформу. С меньшевиками мы резались люто... Я и сейчас с величайшим восхищением вспоминаю тогдашние бои в разгоряченной революционной обстановке»³¹.

Обратим внимание, что, по свидетельству Луначарского, в 1905–1906 гг. Ленин в силу конспиративных причин крайне редко выступал на публичных мероприятиях. Единственным подобным выступлением стала его речь под псевдонимом Карпов 9 мая 1906 г. на митинге в доме графини Паниной, где присутствовавшие все-таки узнали в выступавшем «знаменитого

³⁰ Русское богатство. 1904. № 4. С. 68.

³¹ Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 89.

Ленина» и устроили ему овацию. В этих условиях понятно, почему Ленин так часто просил выступать на важных митингах именно Луначарского.



Участники IV (Объединительного) съезда РСДРП. Стокгольм, 1906.
[Из открытых источников]

В конце марта 1906 г. в Петербурге вышел первый номер легального большевистского журнала «Вестник жизни», в котором за полтора года появится 20 номеров. В работе журнала наряду с теми же Лениным, В. В. Воровским, М. С. Ольминским и И. И. Скворцовым-Степановым активно участвовал Луначарский. В письме к Горькому П. П. Румянцев признавался, что в художественном отделе журнала «главная роль будет принадлежать Луначарскому (он ведет у нас художественно-критическое обозрение, который в последнее время все больше и больше отдает времени художественной литературе и как газетчик, и как автор)»³². Позднее Луначарский сотрудничал и с другими легальными большевистскими газетами «Волна», «Вперед», «Эхо», которые представляли собой мощное оружие пропаганды. Их предшественница «Новая жизнь», к примеру, выходила огромным тиражом 50 000 экземпляров. И конечно, всесторонний опыт литературно-критической деятельности Луначарского на острие революции помог ему впоследствии, при новой власти, хорошо ориентироваться в разных течениях и направлениях современного искусства.

С 10 по 25 апреля 1906 г. Луначарский в качестве делегата с совещательным голосом представлял Центральный орган партии на IV (Объединительном) съезде РСДРП. Но прежде чем попасть в Стокгольм, ему пришлось пережить крушение напоровшегося на камни парохода, все пассажиры которого были спасены небольшим катером с полицейским начальством. «Когда он забрал нас и отвез в Гельсингфорс, – вспоминал Луначарский, – ему и в голову не приходило, что он имеет в своих руках ровно половину социал-демократического съезда, захватив которую он мог бы нанести надолго непоправимый удар всему делу русской револю-

³² Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. М., 1984. С. 25.

ции. Но полиции все это было невдомек, и она нас свободно пропустила с пароходом, ушедшим на следующий день. По приезде в Стокгольм я нашел ситуацию уже выяснившейся. Было ясным, что меньшевики на съезде будут в большинстве».

На съезде Луначарский несколько раз выступал с поддержкой ленинской позиции против меньшевиков, не стесняясь нападок на самого Плеханова: «Тов. Плеханов установил, что предпосылкой программы Ленина является полная и яркая победа революции... Тов. Плеханов осудил программу т. Ленина за ее революционную яркость, признав эту яркость за давно знакомую ему, за явно эсеровскую. Так ли это, однако?..

Тов. Плеханов сказал в своей речи, что социал-демократия может позволить себе роскошь ошибки. Да, товарищи, в настоящий момент нам лучше позволить себе роскошь ленинской ошибки, чем убожество излишней осторожности»³³.

«С каким остроумием защищал тогда Владимира Ильича Анатолий Васильевич», – вспоминала о съезде Крупская. Луначарский не только готовил несколько резолюций съезда, но и выступал не менее чем на 9 его заседаниях. И делал он это настолько изящно и блестяще, что не мог не вызывать ответных выпадов оппонентов. Один меньшевик даже пытался высмеять Луначарского, сравнив его с героем Сервантеса Дон Кихотом: «Тов. Воинов ничего не хочет знать, кроме слов ярких. Ему только подавай яркие слова, чтобы от него получить свидетельство о революционности. Он, т. Воинов, всегда говорит яркими словами, потому он и революционер; мы обходим яркие слова, потому мы и кадеты. Но позвольте, т. Воинов, яркие слова еще не значат, что вы сидите на белом коне с саблей в руках, как выразился т. Винтер (Красин. – С. Д.). Когда у человека для доказательства своей революционности нет ничего, кроме фраз и ярких слов, он подобен рыцарю печального образа, сидящему на палочке верхом». С той поры образ Дон Кихота часто ассоциировался в партийной среде с Луначарским, попутно же с подачи Плеханова его величали «Блаженный Анатолий» или «Блаженный Васильевич»!

Вместе с Лениным и Плехановым Луначарский был избран на съезде в состав комиссии по вопросу о Государственной Думе. Ему пришлось взять на себя самую сложную миссию: убедить меньшевиков перед главным голосованием по составу ЦК, чтобы в него вошло чуть более трети большевиков по их самостоятельному выбору.

Луначарский не был бы собою, если бы даже в политической лихорадке съезда не упустил возможность изучить достопримечательности и музеи Стокгольма. Живший с ним в одной комнате большевик С. Г. Струмилин поражался его «роли совершенно несравненного чичероне по музейным сокровищам и картинным галереям Стокгольма. Он чувствовал себя здесь, как дома, и, будучи впервые в Стокгольме, мог рассказать о каждой останавливающей нас картине и ее мастере столько подробностей, сколько мы не узнаем часто даже о своих ближайших соотечественниках. Мне случалось бывать в музеях и за границей с Г. В. Плехановым. Это был тоже незаурядный знаток и ценитель искусства. Но он бледнел в этом отношении перед А. В. Луначарским».

По возвращении в конце апреля 1906 г. из Стокгольма Луначарский задержался в Финляндии, в Териоках, где стал активно выступать на митингах, в результате чего власти предъявили ему обвинение, грозившее длительным тюремным сроком. Но финляндский суд оправдал обвиняемых, прежде всего благодаря усилиям известных адвокатов Зеллингера и Маргулиса. Оттуда Луначарский отправился в Петербург, где, скрываясь от полиции, продолжал встречаться с соратниками на конспиративных квартирах. Чаше других посещал явочную квартиру большевиков на Невском, 108, в зубокабинете Д. И. Двойрес-Зилбермана. А главное, он становился все более известным как публицист, находясь на «пороховой бочке» возможных преследований. Так и получилось: за издание под его редакцией брошюры К. Каут-

³³ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель – май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 97–99, 103.

ского «Русский и американский рабочий» на него было заведено дело Санкт-Петербургской судебной палатой, которое в итоге вынудило его вновь отправиться в эмиграцию.

В условиях постепенного спада революции Луначарский, как творческая натура, стал все более обращаться к художественному осмыслению происходящих событий. Он понимал, что величие переживаемого момента требует деятельной работы писателей, художников и других творцов по отображению реальности, и старался сам не отставать от решения такой задачи: «Теперь вопрос о том, найдет ли Великая Русская Революция своего ясновидца, который имел бы ключ от сердец человеческих и в то же время до дна проникал бы взором кипучий поток событий, вплоть до того глубокого каменистого дна, которое дает потоку направление и *обуславливает характер его* многообразного бега. Как бы то ни было, но русские художники уже подошли к тому океану социально-психологических задач и загадок, который волнуется теперь по всему лицу земли русской». Похоже, в ряду ясновидцев он видел и себя.

Успех пьесы «Королевский брадобрей» окрылил Луначарского. Летом 1906 г. он писал Горькому о намерении «приступить ко второй драме в том же стиле. Она задумана бесконечно шире, называется «Предтечи» и имеет главными действующими лицами демократию. Если ближайший мой кружок принял радушно первое чтение «Брадобрея», – то первое чтение 3 частей новой пьесы произвело фурор...». Луначарский просил Горького помочь в издании его пьес, в том числе пьесы «Из мира иного», в сборниках «Знание», посетовав при этом, что им пришлось расстаться и что фатум-случай продолжает влиять на судьбы людей: «Ужасно грустно, что Вы где-то далеко и что Вас не придется скоро увидеть. Между тем я ожидал много пользы от нашего знакомства, мне даже казалось, что в нем *сказывается* некий фатум, закономерность, сближающая родственные элементы, – в мире есть смешение гармонии и хаоса, и, кроме фатума относительно разумного, существует еще бессмысленный фатум – случай. Остается вздохнуть...» Горький, с долей скепсиса оценивавший творения Луначарского, все же решил помочь: «Человек он с талантом и, по-моему, может написать хорошую вещь, однажды».

Луначарский упивался «монументальностью увиденного» и обращался к своим собратьям по творчеству: «Настежь окна, художник, говорю я, не пропусти своего счастья: ты волей судеб свидетель великих явлений; думай, думай, напряженно, наблюдай из всех сил, преломи эти снопы невиданных лучей в гранях твоей индивидуальности, изнемоги под бременем, умри ради литературы, ибо она, твоя богиня, требует от тебя теперь художественного анализа и художественного синтеза по отношению к явлениям ошеломляющим, колоссальным!»

Новый, 1907 год супруги Луначарские встречали на даче Ваза вместе с семьей Ленина, В. В. Воровским и его женой. И уже через полмесяца Анатолий Васильевич вынужден был эмигрировать. Как он вспоминал, «я думаю, что, несмотря на мою тогдашнюю тесную дружбу с Богдановым, я не сделал бы впредь ошибок, если бы обстоятельства не заставили меня эмигрировать. Мне был предъявлен чрезвычайно тяжелый обвинительный акт, а моему адвокату... был сделан тонкий намек, что мне лучше всего покинуть страну». В не публиковавшихся при жизни воспоминаниях наркома он прояснил создавшуюся ситуацию, связанную с тем, что его «будто партия хочет выставить» кандидатом на выборах в Государственную Думу (позднее кандидатом будет выдвинут Г. А. Алексинский): «Полиции захотелось отшибить от меня эту возможность, и мне был прислан грозный обвинительный акт без ареста, однако присяжный поверенный Чекерулькуш объявил мне и сделал соответствующий доклад в партийной организации, что он видит в этом факте как бы прямое указание царского правительства, чтобы я, пока есть возможность, уезжал из России. «Если вы не эмигрируете, – сказал он мне, – то вы, несомненно, попадете в тюрьму на 5–6 лет». Партия постановила, чтобы я уехал, и дала мне необходимые для этого возможности»³⁴.

³⁴ Литературное наследство. Т. 80. С. 740.

Конкретно Луначарский обвинялся в том, что он «оказал дерзостное неуважение верховной власти, порицал образ правления, установленного Российскими основными законами, и возбуждал к бунту», и в соответствии с Обвинительным актом, составленным еще 30 августа 1906 г., подлежал суду Санкт-Петербургской судебной палаты. Эта история показывает, насколько большой авторитет «заработал» себе Луначарский к 1907 г. не только в партии, но и в «глазах властей». И вновь, как в 1905 г., он отправлялся «в неизвестность», отрываясь от российской почвы и ожидая новых испытаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.